

К О С Т Ё Р

10

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

А. С. Пушкин

БЛИЗОСТЬ ОСЕНИ

Еще осенние туманы
Не скрыли рощи златотканной;
Еще и солнце иногда
На небе светит, и порою
Летают низко над землею
Унылых ласточек стада, —
Но листья желтыми коврами
Шумят уж грустно под ногами,
Сыреет пестрая земля;
Куда ни кинешь, взор пытливый
Встречает высохшие нивы
И обнаженные поля.
И долго ходишь в вечер длинный
Без цели в комнате пустынной...
Все как-то пасмурно молчит;
Лишь бьется маятник докучный,
Да ветер свищет однозвучно,
Да дождь под окнами стучит.

А. Апухтин

ОСЕННЯЯ РОЗА

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.

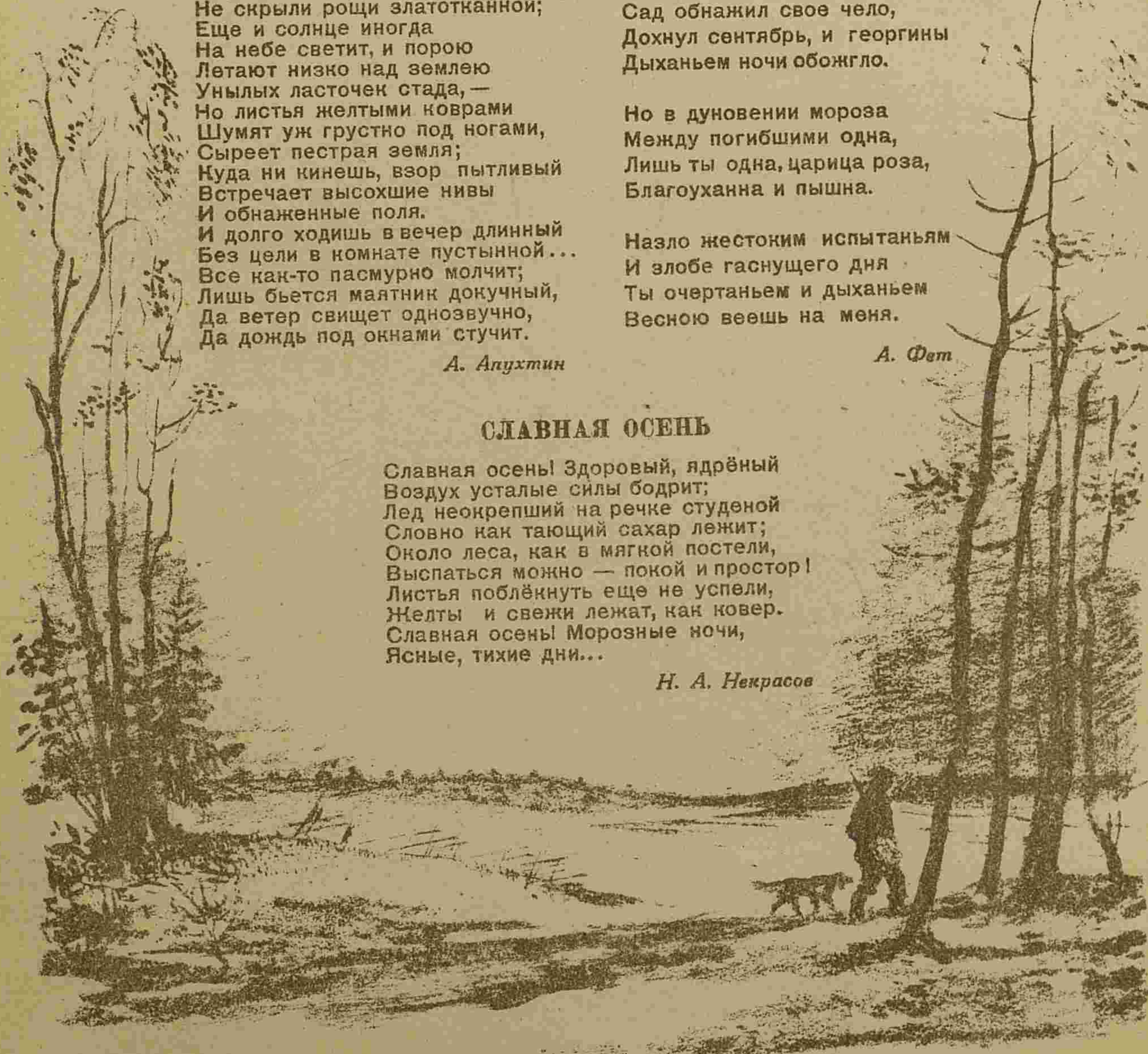
Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

А. Фет

СЛАВНАЯ ОСЕНЬ

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор!
Листья поблёкнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...

Н. А. Некрасов

□ 29
41

КОСТЁР

10

ОКТАБРЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ ★ 1945 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

Теперь эти мальчики учатся в художественном ремесленном училище. Со временем они станут замечательными мастерами.

Гос.
Публичная
Библиотека

НА ТРЕТЬЕМ СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА

Рассказ участника съезда подводника-североморца ПАВЛА ИВАНОВИЧА ПЕТРОВА

В конце августа 1920 года на Первой Оренбургской губернской конференции союзов молодежи я был избран делегатом на III съезд комсомола. Легко понять волнение, охватившее меня. Шел мне тогда семнадцатый год, я еще ни разу не выезжал из родного города, а тут сразу — в Москву!

Поездка на съезд была величайшим событием. Со всех концов губернии, из самых глухих районов в город прибывали ходоки, чтобы передать нам наказы съезду от молодежи.

Мы — делегаты получили в губкоме партии специальные мандаты. Я храню его по сей день, как самое дорогое. В этом мандате сказано: „Предъявитель сего Петров, Павел Иванович следует в г. Москву делегатом от Оренбургской организации на III Всероссийский съезд РКСМ. Просьба ко всей железнодорожной администрации оказывать ему на пути следования всяческое содействие для своевременного прибытия на съезд“.

Поезда ходили в то время нерегулярно и медленно. Поэтому мы выехали дней за двадцать до открытия съезда, — мы рвались в Москву и боялись опоздать.

Провожать нас собралась огромная толпа молодежи.

Поезд „Ташкент—Москва“ подошел к перрону переполненный до предела. Тамбуры

и крыши — все было забито людьми. С трудом для делегатов была очищена крыша одной из теплушек, и мы расположились на ней.

Эшелон делал в час не больше десяти километров. Частенько останавливались в открытом поле, чтобы пополнить запас топлива. Тогда мы слезали с крыши и собирали валявшиеся вдоль полотна старые шпалы.

Так добирались мы до Москвы суток пятнадцать.

На Рязанском вокзале нас встретил представитель ЦК и повез на трамвае, который, кстати сказать, все мы видели первый раз в жизни, в Третий Дом Советов, там размещались делегаты съезда.

Большинство делегаций прибыло дней за пять до начала съезда. Среди них было много фронтовиков. В высоких, просторных комнатах Дома Советов было шумно. Мы, оренбуржцы, старались держаться поближе к уральцам, украинцам и питерцам — у них уже накопился солидный опыт комсомольской работы, и они охотно делились им. Но о чем бы мы ни говорили между собой, все в конце концов сводилось к одному: придет ли на съезд Владимир Ильич, выступит ли, о чем будет говорить?

Пять дней прошло незаметно. Мы ходили по Москве, посещали музеи, выставки, театры. А по вечерам каждый снова и снова

пересматривал свои заветные тетради, в которых были записаны указы съезду.

И вот, наконец, историческое утро! Помещение на Малой Дмитровке переполнено делегатами. Стоит неумолчный гул. Все с нетерпением ожидают приезда Ленина. Распространяется весть, что Ленин прибудет, как только закончится заседание Политбюро.

Ждали, ждали Ленина, выбегали на улицу, высматривали не идет ли машина, звонили в Кремль — не выехал ли Ильич. А появился он неожиданно. Я был в то время за сценой — в комнате, где помещалась Мандатная комиссия. Дверь стремительно распахнулась, и через комнату быстро прошли два человека: один невысокого роста, в темно-сером пальто с черным плюшевым воротником, а другой, чуть позади первого, — в кожаной тужурке и кожаной фуражке.

Ленин! И все мы из Мандатной ринулись в зал.

Помню, у меня промелькнула мысль, что нужно занять место поближе к Ленину. А в зале уже творилось что-то невообразимое. Делегаты вскочили с мест, размахивали книжками и газетами. Все кричали, и у всех на устах было одно слово:

— Ленин! Ленин! Ленин!

Я взглянул на сцену. Человек в кепке подошел к столу президиума, разделся, пальто повесил на спинку стула, вынул из кармана пиджака лист бумаги и, держа его в вытянутой руке, шагнул вперед.

Я, как и многие другие делегаты, пробрался на сцену. Ее так основательно заполнили люди, что свободной оставалась только небольшая площадка. Делегаты тесным кольцом окружали Ленина. Я находился в двух-трех шагах от Ленина и жадно ловил каждое его движение. Вот он ласково прищурился, оглядел зал, всматриваясь в лица делегатов. Вот он заложил палец левой руки за борт жилета, а правую поднял, чтобы водворить в зале тишину. Потом вынул часы и показал на них делегатам. Но овации не утихали. Тщетно заливался звонок председательствующего. Ленин снова поднял руку. . . Овации еще больше усилились. Про-

шло с четверть часа, прежде чем наступила тишина.

„Товарищи, — сказал Ленин, — мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и, в связи с этим, — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.“

В зале водворилась такая тишина, что даже в самом заднем углу слышно было как шелестит лист бумаги в руках Ильича. казалось, все делегаты боялись пошевелиться, чтобы не нарушить этой священной тишины. Сейчас Ленин скажет о задачах, сейчас он ответит на вопрос, который волнует молодежь, сейчас станет ясно, как еще лучше, еще сильнее бить врага. . . И мы слышим тут же совершенно неожиданное для нас слово, которое навсегда станет путеводной звездой для всей деятельности комсомола.

„. . . задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности, можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.“

„Учиться“ шопотом, едва шевеля губами, повторяли делегаты.

Слово: „учиться“ ложится на страницы блокнотов, оно навсегда врезается в память.

Ленин говорит спокойно, не повышая голоса, без обычных ораторских жестов, лишь изредка прохаживаясь по свободной площадке сцены, заложив руки за спину — и это придает его речи характер теплой, задушевной беседы. Иногда, желая подчеркнуть особо важную мысль, Ленин произносит слова медленнее, строже и тверже обычного, подкрепляя их коротким взмахом руки.

„. . . нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учить и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали.“

В зале тихо. Делегаты внимательно слушают. В стране еще гремят бои гражданской войны, еще не залечены тяжелые раны, а

Делегат III съезда Комсомола
П. И. Петров

вождь говорит уже о строительстве нового общества, призывает молодежь учиться коммунизму, овладевать всей суммой человеческих знаний, связывать каждый шаг учения с жизнью, с практической борьбой, воспитывать себя в духе коммунистической морали. Он предостерегает от верхоглядства, от зазнайства.

„... верхоглядство, — говорит Ленин, — было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист, и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.“

Необычайный восторг, величайшая гордость охватили каждого из нас, участников исторического съезда, когда Ленин, обращаясь к нам, сказал:

„Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка.“

Как присягу, как клятву на верность Родине, повторяли мы мысленно вслед за Лениным слова:

— Быть членами Союза молодежи, значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело.

„... Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу и свой почин.“

В едином порыве поднялись все делегаты, когда, заканчивая свою речь, Владимир Ильич произнес:

„... поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.“

Окончив речь, Ленин сложил конспект, спрятал его в боковой карман пиджака и присел на кончик стула. Председатель подал ему ворох записок. Ленин принялся рассматривать их, изредка вынимая карандаш и делая пометки. А в зале бушевали, не умолкая, овации.

Через несколько дней мне снова посчастливилось увидеть и услышать Владимира Ильича. Произошло это так.

Несколько делегаций, прибывших из хлебных районов страны, среди них и наша, оренбургская, были приглашены на беседу в Совнарком. Нас приняли нарком по продовольствию и Надежда Константиновна Крупская. Они попросили нас рассказать о ходе хлебозаготовок, об участии молодежи в этом важнейшем деле. Беседа длилась уже около часа, как вдруг в кабинет вошел Ленин. Он прошел к столу, за которым сидела Надежда Константиновна, и стал внимательно слушать выступавшего в это время украинского делегата. Паренек смутился, начал заикаться, речь у него явно не клеилась.

— Продолжайте смелей, продолжайте, товарищ, — подбодрил его Ленин. — Вы говорите о важном вопросе. Без хлеба мы не победим.

Потом выступил я от оренбургской делегации. Я говорил о том, что в нашей губернии слабо привлекают молодежь к хлебозаготовкам, боятся доверить ей эту работу.

Когда я кончил, Ленин, обращаясь ко мне, сказал:

— Я внимательно слушал вас, молодой человек. Вы говорили правильно, мысль ваша на верном пути. Но вам не хватает грамотности, не хватает знаний. А без них нельзя строить новое общество. Кем вы работаете?

— Заведую экономическим отделом губкома комсомола.

— Тем более нужны вам знания, товарищ. Стремитесь овладеть ими, чтобы лучше воспитывать молодежь. Овладевайте языком родным, овладевайте основами наук.

Прошло двадцать пять лет. Куда бы ни забрасывала меня судьба, где бы я ни находился: на фронте гражданской войны, в аудитории Военной Академии или в дальнем океанском переходе советских кораблей, в осажденном Севастополе или на подводной лодке, — везде и всюду стоял передо мной образ великого вождя, великого Ленина. Всегда слышится мне его пламенный призыв к борьбе и работе во имя победы коммунизма.

Записал А. Лич.

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОДАРОК

ПОВЕСТЬ

(Продолжение)¹

Е. Боронина

Рис. Б. Семенова

ПОДАРКИ ГОТОВЫ

На первый урок я и Боб чуть не опоздали, так как отдавали завхозу наш долг лягушками. Мы вбежали в класс одновременно со звонком, не успели даже хорошенько поздороваться с ребятами, как вошла Людмила Ивановна.

Все встали и дружно крикнули:

— Здравствуйте, Людмила Ивановна! Пятый класс в сборе!

— Не так громко, мальчики! — улыбнулась Людмила Ивановна. — Поздравляю вас с новым учебным годом!

Людмила Ивановна обежала глазами весь класс, и мне показалось, что она особенно внимательно посмотрела на меня и Боба. Мы сидели в среднем ряду на третьей парте.

— В этом учебном году я опять буду вашей классной воспитательницей и, надеюсь, что мы попрежнему останемся друзьями... — и Людмила Ивановна посмотрела на Сеню.

Сеня заерзал на скамье, потому что он строчил какую-то записку. Видно, дело было очень срочное. На уроках Людмилы Ивановны мы никогда не переписывались.

Людмила Ивановна начала рассказывать, какое у нас будет расписание и кто будут наши учителя. Боб ловко поймал брошенную Сеней записку. В ней было написано:

„Я уже узнал от Пузырька, какие подарки к юбилею привезли наши с „Форта Тимура“:

1) Корзину сухих грибов и корзину брусники. Корзины сплели сами. 2) Указку из орехового дерева. 3) Бювар на письменный стол. Сделали из бересты. На бересте вырезан рисунок. Все подарки спрятаны в пионерской комнате. Юбилей послезавтра, в воскресенье“.

Мы так увлеклись чтением записки, что совершенно не заметили как Людмила Ивановна подошла к нашей парте.

Боб на всякий случай сунул записку за щеку, отчего щека сильно вздулась.

— Боб, что с тобой? — удивилась Людмила Ивановна. — У тебя болят зубы?

— Нет, нет, я совершенно здоров!..

Весь класс засмеялся, потому что записка мешала Бобу говорить, и он шамкал как беззубый старик.

Сделав невероятное усилие, Боб проглотил записку, даже не разжевав ее. Флюс исчез, но зато Боб покраснел как помидор.

— Прости пожалуйста, я кажется ошиблась, — засмеялась Людмила Ивановна. — А я хотела вам показать газету, где помещены ваши фотографии. Помните, нас снимал фотограф из Москвы на озере, около валунов? — и она протянула нам газету „Красный Флот“.

Весь наш гарнизон „Форта Тимура“ вышел как взаправду, но больше всех был похож Сеня. Его оттопыренные уши и круглые сросшиеся брови были как живые. Под снимком было напечатано: „Ленинградские школьники на отдыхе“.

— Это здорово! Попасть в газету! — воскликнул Боб. — Да еще в морскую!

— Вот о чем я хотела поговорить с тобой, Боб, как с начальником штаба отряда, — сказала Людмила Ивановна. — Позавчера приехал в отпуск на десять дней мой сын, Николай Евгеньевич...

— Неужели? — растерянно пробормотал Боб.

— Николай Евгеньевич напрашивается к вам в гости на пионерский сбор. Можно его пригласить?

— Приглашаем, приглашаем! — послышалось со всех парт. — Когда? Поскорей! Боб, завтра!

— Тише, тише, мальчики! Завтра и послезавтра Николай Евгеньевич занят. А вот в понедельник можно.

— Да, да, в понедельник! — закивал головой Боб.

Людмила Ивановна начала рассказывать о том, что мы будем проходить по географии в пятом

¹ См. начало повести в „Костре“ № 5, 6, 7—8 и 9 1945 г.

классе. Но на этот раз и я, и Боб плохо слышали о чем говорила Людмила Ивановна. Нас мучили разные вопросы. Не догадалась ли о чем-нибудь Людмила Ивановна? Но как? Почему? — ломали мы себе голову. А вдруг Людмиле Ивановне очень неприятно, что мы произвели ремонт таким обманным образом? Если она ничего еще не знает, то ведь непременно все обнаружится на сборе отряда, куда придет Николай Евгеньевич. Он узнает нас! Самим не придти на сбор? Мы были в смятении. Как поступить?

На первой же перемене Пузырек потащил нас в пионерскую комнату показывать нам подарки и сообщил, что, само собой разумеется, мы тоже принимаем участие в этих подарках.

— Знаете, ребята, — сказал Пузырек, — мы заготовили для Людмилы Ивановны три мешка шишек. Хотели привезти ей в город для самовара. Людмила Ивановна про это узнала и ужасно рассердилась. Велела нам отнести все шишки для лагерного кипятильника.

— А вдруг она и на подарки к юбилею рассердится, не примет? — спросил Боб.

— Ну, по случаю юбилея может и сойдет! — вздохнул Пузырек. — Мы на торжественном собрании будем преподносить.

На большой перемене Боб, Сеня и я устроили тайное совещание на школьном дворе. История с шишками совсем напугала нас.

— Мы должны совершенно засекретить наш подарок, — сказал Боб.

— А если Людмила Ивановна вдруг узнает? Не сознаваться? — спросил Сеня.

— Тогда выйдет, что мы вруны! — задумался Боб. — Вот что! Если она спросит нас прямо, то мы скажем так: „Людмила Ивановна! Мы отремонтировали вашу квартиру не потому, что вы наша учительница, а потому, что вы — семья фронтовика. Ну, а помогать семьям фронтовиков все пионеры и школьники имеют полное право!“

Что же до сбора отряда, на который придет Николай Евгеньевич, то мы порешили вот как. Я и Сеня спрячемся заранее в классном шкафу, стенки в нем тонкие, и мы все отлично услышим. Бобу, как начальнику штаба отряда, отсутствовать на сборе невозможно. Поэтому он придаст своему лицу неузнаваемое выражение с помощью черной повязки, якобы прикрывающей флюс. А чтобы изменить и голос — он положит за нижнюю губу резинку или жолудь.

К нам подбежал запыхавшийся Пузырек.

— Куда вы запропастились? Всю перемену вас разыскиваю. Слушай, Боб! Ребята думают,

что на юбилей с приветствием от нашего класса лучше всего тебе выступить.

— Нет, нет, я не могу! — Боб испуганно замахал руками. — Лучше ты сам, Пузырек! У меня, видишь ли, после краснухи осложнение, — нашелся Боб. — Я иногда, понимаешь, начинаю заикаться...

— А это пройдет, Боб? — забеспокоился Пузырек. — Да, да, я заметил как ты сегодня на первом уроке странно говорил!..

— Да, это был припадок! — соврал Боб. — Но через неделю все пройдет. Мне в больнице сказали.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА, ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

К шести часам вечера в школьном зале было уже полным-полно. Все стулья в передних рядах заняты учителями нашей школы и гостями: из РОНО, учителями из других школ, делегатами от школы девочек, где Людмила Ивановна тоже преподавала географию. Задние ряды — это были уже скамейки — их принесли в зал из столовой, — были предоставлены ученикам нашей школы. А наш пятый класс сидел по правую сторону от эстрады не на стульях, и не на скамейках, а на столиках первоклассников. По левую сторону от эстрады расположился школьный духовой оркестр.

Стены зала были украшены еловыми ветками. На эстраде стоял длинный стол, покрытый красным сукном и еще маленький, с темной бархатной скатертью. На нем графин с водой и стакан. Это для выступающих.

В первом ряду мы разглядели Людмилу Ивановну и Николая Евгеньевича. Тут же сидела и тетушка.

Я, Боб и Сеня сели на самую последнюю скамейку в уголок. Только мы устроились — как заиграл оркестр и все захлопали, потому что на эстраду поднялась Людмила Ивановна, директор школы, заведующий РОНО и еще несколько человек. Все они сели за красный стол.

Наш директор сказала речь. Она говорила очень недолго, но успела рассказать про Людмилу Ивановну очень много хорошего. И как она интересно преподает свой предмет, и какие у нее дружеские отношения с учениками, и как она в самые холодные и голодные месяцы блокады навещала больных школьников, хотя сама едва двигалась.

— Мы, ваши товарищи и ваши ученики, собравшиеся здесь, гордимся вами, любим вас и уважаем, дорогая Людмила Ивановна, — так закончила директор школы.

Весь зал захлопал, а оркестр опять заиграл.

— Внимание! Осторожно! — Подтолкнул меня Боб.

От двери, на цыпочках, шел никто иной как сам знаменитый профессор, у которого мы стянули замазку. Алексей Петрович направлялся прямо к нашей скамейке. Наш завуч что-то шептал ему и показывал на передний ряд, но профессор покачал головой и продолжал идти именно к нашей скамейке, в уголок. Он сел как раз рядом со мною.

Узнав меня и Боба, профессор кивнул нам и просигнализировал на пальцах азбукой Морзе: „Здравствуйте, очень рад!“

Мы сидели как на горячих угольях. Как это нам не пришло в голову, что профессор тоже придет на юбилей. Вдруг он скажет Людмиле Ивановне про печку?

От волнения мы даже не заметили, как за маленьким столиком появился совершенно лысый человек в сером френче и высоких сапогах. В руках у него был голубой листочек.

— Разрешите огласить только-что полученную ГорОНО телеграмму из Наркомпроса, — сказал он. — По постановлению президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, — громко читал лысый человек, — нашей дорогой юбилярше присваивается звание заслуженного учителя и одновременно она награждается значком „Отличник Народного Образования“.

Все зааплодировали. Пока зал хлопал и играла музыка, профессор быстрыми шагами пробрался к эстраде. Он сел в первом ряду, по соседству с тетушкой и Николаем Евгеньевичем. Николаю Евгеньевичу он пожал руку, а тетушке даже поцеловал. Они были знакомы друг с другом!!!

В это время на столик поставили большую корзину цветов, и на эстраду вышла девушка в форме военного врача. Как только в зале наступила тишина, она сказала:

— Поздравляю вас, дорогая Людмила Ивановна, от имени всех присутствующих на вашем трудовом юбилее ваших бывших учениц и учеников.

Потом говорили еще другие гости, и Людмила Ивановна все время вставала и приветствовала нас. Мы смотрели во все глаза и даже на время забыли о грозившей нам опасности со стороны профессора. Но вдруг директор объявила, что слово предоставляется Алексею Петровичу.

Профессор встал за столик, чуть приподнял очки на лоб и оглядел зал.

— Географическое общество поручило мне передать Людмиле Ивановне самый сердечный привет, — начал он, — и пожелать ей дальнейших успехов как на поприще научном, так и на поприще народного просвещения.

И Алексей Петрович рассказал, что Людмила Ивановна написала для разных ученых

географических журналов и сборников много интересных статей о своих путешествиях на Камчатку и в другие места Советского Союза.

Я был очень удивлен. Сама Людмила Ивановна нам об этом никогда не говорила.

— А теперь, — продолжал профессор, — я приношу Людмиле Ивановне и свои личные поздравления. Но тут я должен сказать, что весьма сердит на некоторых товарищей, присутствующих здесь на юбилее...

В зале послышался шопот и легкий шум.

У меня беспокойно забилося сердце: „Кого профессор имеет в виду?.. Неужели?..“

— Это он о нас... — шепнул в это время Боб.

— Да, именно сердит, — продолжал Алексей Петрович. — Школьники похитили... — тут профессор вдруг закашлялся.

Боб судорожно стиснул мою руку.

— Замазка! Он о замазке!..

„Пришел на юбилей скандалить из-за кусочка замазки!“ Мой лоб покрылся капельками пота.

— Школьники похитили, — повторил, откашлявшись, профессор

(я вцепился руками в скамейку), — похитили у географической науки... (что? что?) талантливую ученую...

Вздых облегчения, вырвавшийся из нашей груди, был так силен, что локоны на прическе сидящей перед нами кассирши из школьной столовой зашевелились как от порыва ветра.

— Я имею в виду вас, Людмила Ивановна, — профессор слегка поклонился ей. — Вот почему я так сердит на школьников...

В зале дружно засмеялись.

— А теперь я уступаю место своим юным соперникам, — закончил профессор и сел рядом с Людмилой Ивановной за красный стол.

Приободрившийся Боб тотчас шепнул мне:

— Все ученые рассеяны. Ничего он не заметил. Зря волновались...

На эстраду вышел Пузырек и еще двое наших пятиклассников — Костя Петренко и Миша Гольдин. Все они были в белых рубашках и в пионерских галстуках. Как только наши поставили на столик подарки: корзинки, бювар и указку, Людмила Ивановна испуганно замахала руками.

Бедняга Пузырек так разволновался, что слова поздравления от нашего пятого класса вылетали из его рта с частотой пулеметной стрельбы. Просто ничего невозможно было разобрать.

Но все-таки зал хлопал ему ничуть не меньше, чем другим выступавшим. А пока музыканты играли туш, Людмила Ивановна и профессор все время разговаривали. Мне показалось, что оба смотрят в тот конец зала, где сидела наша малярная бригада.

Но вот, наконец, Людмила Ивановна встала, чтобы ответить. Она была очень бледная.

— Благодарю всех, всех!— сказала Людмила Ивановна. — Благодарю правительство за оказанную мне честь. Благодарю моих товарищей-педагогов и моих бывших учеников и моего учителя Алексея Петровича за их сердечные поздравления и пожелания. Я очень тронута всеми этими подарками. — Людмила Ивановна подошла к столику. — Я знаю, что они сделаны от чистого сердца моими милыми учениками. Но я не могу умолчать еще об одном подарке, который я получила к своему юбилею. Три мальчика...

Зал качнулся перед моими глазами и поплыл как в тумане.

— Мы пропали... — простонали мои друзья.

— Три моих ученика, — повторила Людмила Ивановна, — пока я была в лагере, отремонтировали мне квартиру... Такого драгоценного подарка я еще не получала за всю свою жизнь...

— Кто? Кто они? — закричали с разных концов зала. — Скажите, Людмила Ивановна!

— Я не знала, кто они! Случайно их тайна обнаружилась... Но я...

— Бежим! — шепнул Боб. — Скорей!

Мы сорвались с места и бросились к выходу. Скамейка от внезапного толчка с грохотом повалилась. В тот же миг весь зал повернулся в нашу сторону.

— Это они! Они! — крикнуло несколько голосов.

— Мальчики! Боб, Петя, Сеня! Куда вы? — Людмила Ивановна бежала через зал к нам.

Красные, как помидоры, мы пошли ей навстречу. Кругом все смеялись, хлопали и что-то кричали. Как нам хотелось в эту минуту провалиться в нижний этаж. Но этого не случилось. Не помню, как мы оказались на эстраде и все, кто сидел за красным столом, жали нам руки. К нам подошел и профессор. Он тихо сказал, так чтобы никто не услышал:

— Не думайте, друзья, что это я выдал вашу тайну. Уверяю — не я. А замаску-то вы у меня все-таки слямзили? А?

Опять мы готовы были провалиться в нижний этаж. Но профессор залился таким пре-

веселым смехом, что нам ничего не оставалось сделать, как последовать его примеру.

— Людмиле Ивановне, ура! — крикнул в это время Пузырек, и наш пятый класс подхватил его крик.

Музыканты заиграли веселый марш. Торжественная часть юбилея закончилась.

* * *

Теперь мне остается досказать совсем немного. Но прежде чем закончить свою повесть, я хочу дать моим читателям, если они дочитали эту книгу до конца, несколько дружеских советов. Никогда не ремонтировать втайне чужих квартир, если вы боитесь веселых приключений. Никогда не братья за малярную кисть, если вы белоручка. Не пытаться складывать печей, если вы не хотите запачкаться глиной. Остерегаться ловить лягушек, — они не всегда безопасны. А главное — не пытаться предвидеть все случайности в жизни — это ужасно трудно. Вот посудите сами. Какая случайность выдала нашу тайну Людмиле Ивановне? Уши и брови! Именно они. А собственником этих ушей и бровей был никто иной, как Сеня.

Вы помните? Его уши и брови как живые вышли на той фотографии, которая была помещена в газете „Красный флот“.

Но причем тут газета? — А вот причем. Этот номер газеты прочитал у себя на корабле Николай Евгеньевич и узнал на фотографии свою мать. Он внимательно присмотрелся и к нашим лицам. Лицо Сени запомнилось ему...

Теперь вы, наверное, сами догадались как наша тайна была разоблачена.

А профессор, в самом деле был не при чем. Да, я чуть не забыл дать еще один совет.

Никогда не похищайте у знаменитых ученых замаску — ученые не настолько рассеяны, чтобы не заметить этого. Наоборот, они удивительно наблюдательны.

Ура! Ура! Я кончил свою повесть. Нет, несчастный крокодил, ты еще не кончил. Ты позабыл рассказать, что Николай Евгеньевич был на сборе отряда, и мы услышали от него много интересного о морских сражениях с фашистами в наших северных морях. Ты позабыл рассказать, что наш пятый класс на учебное время года переименовал себя из гарнизона „Форта Тимура“ в бригаду РБДВ и эта бригада посадила около школы семьдесят кустов сирени и жасмина и сорок кленов, тополей и березок. А Боб — веселый,

великодушный и верный мой друг — по этому случаю сочинил новую песню:

Против духоты и пыли
Мы войну ведем:
Мы деревья посадили
В городе своем.
Стройный тополь, клен мой пышный,
Каждый ваш листок, —
Это кислорода лишний
Маленький глоток.

Я позабыл еще рассказать как вся наша бригада РБДВ под руководством Сени и Боба научилась малярничать и чинить электричество. Как мы отремонтировали осенью пять квартир инвалидов Отечественной войны...

...Часы бьют пол-одиннадцатого. Сейчас вернется мама с завода. Она рассердится, если опять застанет меня еще не в постели. Сегодня кончились зимние каникулы, и завтра в восемь утра я должен быть уже в школе. Первый урок Людмилы Ивановны — моя любимая география.

Я слышу мамины шаги по лестнице... Скорей, скорей спрятать рукопись в мою замечательную полевую сумку. Завтра я отдам свою повесть на строгий, но справедливый суд своим первым читателям, верным моим друзьям — Бобу и Сене. Спокойной ночи!

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА

Медный всадник стоит над Невой,
Город наш величавый храня,
И прозрачной над ним синевою
Блещет небо весеннего дня.

Чуть дыша, ветерок набегает,
Над рекою — недвижимый штиль.
Вновь на солнышке ярко сверкает
Золотой Петропавловский шпиль.

Враг добит в его черной берлоге.
Не вернуться невзгоды назад.
И попрежнему стройный и строгий
Над Невой стоит Ленинград.

Будет вечно в сердцах поколений
Жить преданье про эту войну,
Как великого Сталина гений
Вел к победе родную страну!

*Юрий Прокофьев
15-е ремесленное училище*

МУЗЫКА

Вдали звучала музыка — и я
Сидел, воспоминаньями охвачен.
Я вспоминал с волнением горячим
Родные с малолетства мне края.

Бывало, по лесной идешь тропинке,
Идешь, а солнце только-что взошло
И не успело высушить росинки,
Блестящие в траве, как серебро.

Знакомый лес раскинулся широко.
Текут ручьи и шелестит трава.
Идешь к реке, привольной и глубокой,
Где отразилась неба синева.

А над рекою раздаются песни,
Поют, не умолкая, соловьи —
Я ничего не слыхивал чудесней,
Чем посвисты, соловушка, твои!

И где бы ни шел я нынче — мне отрадно!
Ликующая музыка, играй!
Родной простор, широкий, необъятный!
Великий, жизнерадостный мой край!

*Александр Медников
1-е ремесленное железнодорожное
училище.*

МЕЧТАТЕЛЬ

В. Калицкая

Три богатых путешественника сидели в кафе, в одном из городов Южной Африки. И, чтобы разогнать томившую их скуку, они рассказывали разные выдумки.

Однажды в это кафе забрел простодушный человек по имени Стиль. Трое бездельников переглянулись, и один из них, Консейль, стал рассказывать Стилю про чудесный поселок „Сердце пустыни“ в дебрях тропического леса. В этом маленьком селении, по словам Консейля, счастливо проживали семь семейств. Благоухающий сад, удобные жилища с резными балконами, электрический свет, музыка — все принадлежит мужественным охотникам. И вот Стиль решает отыскать этот сказочный поселок и расспрашивает Консейля, как найти туда дорогу. А потом обещает посетить „Сердце пустыни“, приехать и рассказать все, что видел.

Проходит два года. Стиль является к Консейлю и весело говорит:

— Я сделал „Сердце пустыни“, — и рассказывает как с разными приключениями он добрался до места. Но, понятно, никакого поселка он там не нашел.

— Я понял, — говорит беззлобно Стиль, — что вы шутили. Но шутка была красива. О чем-то таком, бывало, мечтал и я...

И Стиль воплотил свою мечту. Он сам построил поселок, нашел мужественных людей и поселил их в „Сердце пустыни“. Теперь он приглашает Консейля поехать туда. Консейль соглашается поехать: Стиль вернул ему веру в людей.

Таково содержание рассказа Грина „Сердце пустыни“. В чем смысл этого рассказа? Конечно не только в том, что кто-то основал поселок в тропическом лесу.

Человек всегда ищет лучшего, того, что дает радость себе и другим. Мечты бывают разные, иногда прекрасные и значительные. Музыкант мечтает написать чудесную симфонию, художник — создать восхитительную картину, врач — побороть опасную болезнь, писатель — написать такие произведения, которые обогатили бы читателя и побудили

бы его совершить великодушный поступок. Таким мечтателем был писатель А. С. Грин.

А. С. Грин — это псевдоним, условная фамилия писателя. Подлинная же фамилия Грина была — Гринеvский.

В ранней молодости Александр Степанович Гринеvский искал интересных приключений. Шестнадцати лет Александр Гринеvский приехал в Одессу, чтобы поступить в мореходные классы. Но он опоздал к приему, и к тому же у него не осталось денег, чтобы внести плату за учение. Саша Гринеvский поступил учеником на пароход „Платон“, который совершал рейсы по Крымско-Кавказской линии. Но здоровье его было слишком слабое, и работа юнги была ему не под силу. Тогда он нанялся матросом на другой пароход, добрался до Александрии, а оттуда уже пассажиром возвратился в Одессу. Потом он поехал в Вятку, к отцу.

В Вятке Александр Степанович прожил год, и его опять потянуло вдаль. Он плавал как рыбак по Каспийскому морю, но заболел малярией и слег в больницу. Потом, едва перебиваясь, добрался до родной Вятки... Пробовал жить охотой в лесах под Котласом, искал на Урале золото, но из всего этого ничего не выходило. Жизнь искателя приключений

была явно не по нему... Проходили годы. Только в 1906 году Александр Степанович нашел свой путь. Он написал рассказ „В Италию“ и понял, что должен стать писателем — это его призвание.

В своих первых произведениях, например, в рассказе „По закону“, писатель Грин описывает события, которые произошли во время его скитаний, и людей, которых довелось ему повстречать. В рассказе „Трюм и палуба“ он показывает жизнь на пароходе „Платон“.

Грин начал писать в годы первой русской революции. В первом рассказе „В Италию“ говорится о приключении революционера Геника. Спасаясь от преследований полиции, Геник перепрыгивает через высокую стену и попадает в чей-то сад. Что делать? Весь квартал оцеплен сыщиками и городовыми.

ПАРК ПОБЕДЫ

Это собрались строители Парка Победы.

Как весело сегодня работается!

Дело нашлось и школьникам.

ДУБОК

Глеб Семенов

На Крестовский в день воскресный
Собрался весь Ленинград.
Как бы вторил дружной песне
Неустанный стук лопат.

Там до самого обеда
Потрудился я как мог:
Посадил я в честь Победы
Замечательный дубок.

Ветви тянутся упруго,
Листья лезут мне в лицо:
На прощание, как друга,
Обнимаю деревцо.

Подрастать теперь нам вместе,
Вместе крепнуть и мужать:
Ленинградской нашей чести
Никому не уступать!

Ты расти, дружок, тенистым,
Чтобы каждый, кто придет,
Под дубком широколистым
Отдохнул бы от забот.

Ты расти, дубок, могучим,
Непогоды не страшись,
Непреклонно, прямо к тучам,
Поднимай вершину ввысь.

Всем ветрам, мой друг, поведай
Гордым шелестом листвы,
Что навечно в честь Победы
Ты посажен у Невы!

В. Лебедев

Рис. Г. Фитинюфа

В конце лета 1915 года по Верхнеленскому тракту медленно двигалась большая казенная телега, запряженная тройкой лохматых сибирок. Песок и ухабы сильно замедляли ее движение. Дорога, освещенная скудным байкальским солнцем, переползала с холма на холм. Кругом на десятки верст виднелись безлюдные рощи, перелески и луга.

Телегу сопровождали конвойные с саблями наголо. Это везли ссыльных. Среди них находился и большевик Михаил Фрунзе. За ним было приказано смотреть особенно строго, так как до иркутского генерал-губернатора дошли сведения, что поселенец Арсений — это была партийная кличка Фрунзе — подготавливает побег. Поэтому генерал-губернатор торопился перевести Фрунзе в Иркутск.

После долгого пути усталые лошади остановились на ямской станции у этапного двора. Часовой распахнул ворота, и когда телега въехала во двор, обнесенный высоким частоколом, ворота снова наглухо захлопнулись. Конвойные спрыгнули с телеги, пересчитали арестованных и пошли в избу. За ними потянулись арестанты.

Фрунзе не торопился. Он шел позади всех и обдумывал свое положение. Перевод в Иркутск не предвещал ничего хорошего: он знал, что ему предстоит военный суд.

Много лет провел Михаил Васильевич в царских тюрьмах...

Вот он во Владимирском центре таскает на чердак тяжелые кули с солью. С ним работают бывшие балтийские матросы, заключенные в тюрьму за революционную работу. Это славные товарищи, и Фрунзе подговаривает их бежать. А путь выбраться из тюрьмы на волю — только один: сделать из камеры подкоп.

Горстями, в шапках, в карманах бушлатов выносят заговорщики землю. Они вынимают ее ночью из подкопа и незаметно выбрасывают во время прогулки. Цель близка! И все-таки убежать не удалось! Воз, проезжавший по тюремному двору, провалился в подземный ход. Подготовка к побегу раскрыта. И снова тянутся тяжелые дни неволи...

Трудно бежать из тюрьмы, значит, надо попытаться бежать с дороги...

В этапной избе люди лежали вповалку на полу, на нарах.

Среди них нашлись старые знакомые Фрунзе. И когда они узнали, что Арсения везут в Иркутск, его мигом обступили, начали расспрашивать, соболезновать.

— Ну, что ж, товарищи, — усмехнулся Фрунзе. — Выручайте...

Тут же созрел план бегства.

Через минуту, на глазах у конвойных, во дворе несколько ссыльных начали качать Арсения. Каждый раз с шумным, дружным возгласом они подбрасывали Фрунзе в воздух.

Прежде чем караульные успели что-нибудь сообразить, Фрунзе был по ту сторону ограды. Он крепким ударом сшиб часового у ворот и бросился к ближайшему леску.

Вдогонку беглецу загрели выстрелы. Но Фрунзе уже скрылся в лесу. Еловые ветки хлестали

— Качать его, товарищи! Качать 'Арсения! Раз... два... три... Выше!

Конвойные не мешали ссыльным так необычно прощаться с товарищем.

— Ишь, как чествуют! Видать, и в самом деле большой вожак, — переговаривались они на крыльце этапной избы.

Двор то и дело оглашался громкими, шуточными выкриками:

— Майна! Майна!

— Вира!

— Крепче взяли, товарищи. Раз, два, три!

Внимательный человек мог бы заметить, что качавшие Фрунзе ссыльные все ближе и ближе продвигались к высокому острозубому частоколу, что Фрунзе все выше и выше взлетал над головами товарищей. Но конвойные не обратили на это внимания.

Вдруг произошло нечто неожиданное: после одного из взлетов арестованный исчез.

его по лицу, сухие сучья рвали на нем куртку и рубаху, но он бежал, бежал, не останавливаясь.

Впереди была свобода, позади — восемь лет каторги.

Конвойные сбились с ног, обыскивая лес. Но Фрунзе они не нашли.

Из прошлого
нашего города

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Н. Голицына

Рис. В. Морозова

Тому, кто хоть раз любовался невскими берегами, на всю жизнь запомнится вид на Петропавловскую крепость. Высоко поднимается золотой шпиль собора. Когда заходит солнце, и сумрак ложится на серые каменные стены крепости, шпиль все еще продолжает сиять.

Крепость была построена при Петре Первом для того, чтобы закрыть вход в Неву с моря и защитить новую столицу России от нападения врагов. Крепость окружал большой земляной вал. По углам его были расположены бастионы с толстыми каменными стенами, а внутри — казармы для солдат, склады, дом коменданта. Все постройки были деревянные; несколько позже воздвигли каменные и стены крепости облицевали гранитом.

За двести лет из пушек Петропавловской крепости не было сделано ни одного выстрела по врагу: Кронштадт надежно охранял подступы к северной столице. Из пушек Петропавловской крепости стреляли только в дни торжеств, стреляли чтобы предупредить население Петербурга об опасности наводнения и обязательно — каждый полдень для проверки времени. Каждый день, ровно в двенадцать часов, над Невой раздавался выстрел. У петербуржцев даже сложилась поговорка: „точно, как из пушки“.

В крепости находится собор, где хоронили русских царей. Могила Петра I украшена траурными полотнами и пальмами. Напротив собора расположен Монетный двор, где теперь делают ордена и медали Советского Союза. Неподалеку хранится и знаменитый бот Петра, так называемый „дедушка русского флота“, на котором юный Петр учился морскому делу.

Каждому посетителю крепости хочется посмотреть тюрьму. В нее по приказу царя заключали человека на всю жизнь, без всякого суда. Так был заточен молодой офицер Михаил Бейдеман: он провел в самом мрачном каземате, в Алексеевском рavelине, двадцать лет своей жизни. Двадцать лет он не видел солнца, не разговаривал с людьми, не читал книг и газет, не знал что творится на воле. Он не вынес

этой пытки и сошел с ума. О его судьбе писательница Ольга Форш написала роман „Одеты камнем“.

Ни один звук с воли не проникал за высокие стены тюрьмы. Только звон курантов — часов на Петропавловском соборе уныло отбивал каждые четверть часа.

„Еще час, еще четверть часа твоего бесплодного прозябания прошли, и никто не знает, даже сам, кто тебя здесь держит, сколько еще пройдет таких бесплодных часов, дней, годов... много годов, раньше чем вспомнят тебя выпустить, или болезнь и смерть откроют тебе двери темницы...“ — писал в своих воспоминаниях один из узников крепости, ученый и революционер Петр Кропоткин.

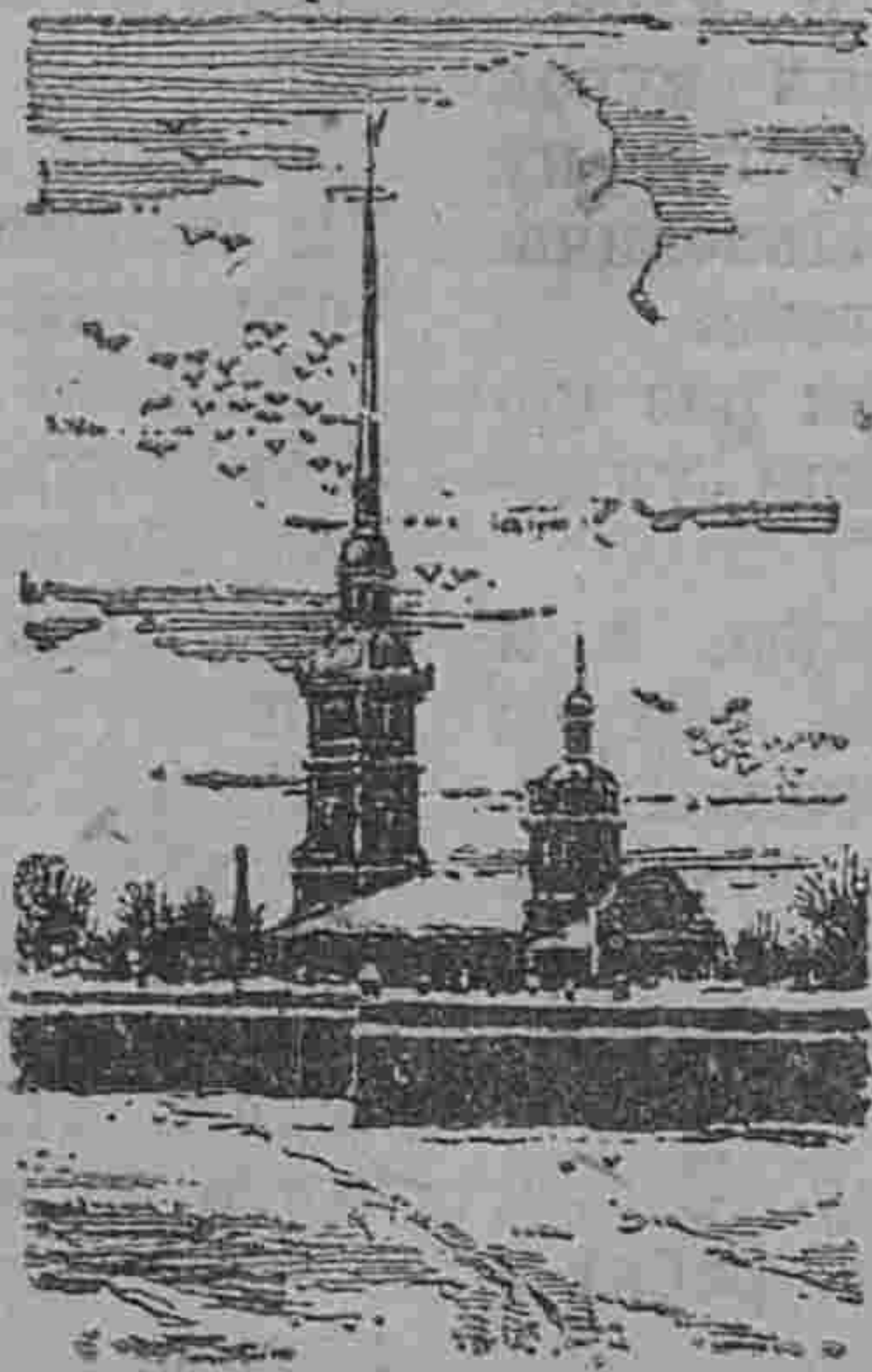
Здесь были заключены и декабристы. Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол, Каховский и Бестужев из крепости были увезены на казнь, другие отправлены на каторжные работы в Сибирь.

В крепости был заключен революционер Александр Ильич Ульянов, брат Владимира Ильича Ленина, и передовые писатели: Радищев, Чернышевский, Горький.

Сначала заключенных держали в бастионах, но бастионов было мало, поэтому в конце прошлого столетия внутри крепости была построена еще тюрьма. Здесь было так сыро, что стены многих камер сплошь покрывались плесенью.

Глубокой ночью черная карета с двумя фонарями привозила арестованных. Их обыскивали, переодевали в арестантское платье и отводили в камеры. Камеры наглухо закрывались, и с этого времени заключенный терял свое имя и именовался просто номером камеры. Заключенным запрещалось даже разговаривать. Эта страшная пытка безмолвием продолжалась дни, месяцы, годы.

Однажды в крепость привезли девушку-курсистку Ветрову. Она не смогла перенести тюремной жизни, облила себя керосином из лампы и подожгла. Пока дежурившие в коридоре тюремщики бегали к начальнику за ключами, девушка погибла.

Разве заснешь!

Я вскочил с кровати, подошел к окну:

— И не скисну. И всем завтра скажу...

Я увидел себя в оконном стекле.

— Что, отбил, длиннорукий?

— Отбил, — кивнула кудлатая голова в стекле.

— А теперь что делать?

Мальчишка из стекла смотрел на меня одним глазом, другой прикрывал чуб.

— Тебя спрашиваю?!

Мальчишка смотрел на меня и молчал.

— Подумаешь! Никому не скажу и забудут!..

— А как же камин без птицы?

— Эка невидаль! Вот возьму и сделаю.

— Сделаешь, как же! Это тебе не стукнуть, не отбить!

— А вот научусь! В точности такую сделаю. И знать никто не будет.

Я отошел от окна, лег и заснул.

Утром у ребят только и разговоров было, что о птице:

— Кто отбил?

— Найти бы его!

А я молчал. Про свое думал. К Якову Львовичу поближе подойти не мог. А он дал всем нам по куску пемзы и показал как шлифовать мраморные подоконники.

Взял я пемзу, подоконник шлифую, а краем глаза все за мастером слежу. Вот подрубают, вот берет резец. Ишь, как он его крепко держит! А удары хоть осторожные, но сильные.

Прихожу на следующий день во дворец. Раньше всех являюсь. Выбираю кусок мрамора, беру инструмент.

С чего начинают-то?

Я смерил птицу на камине. Подрубить начал. Осторожно. Ну, повозился я, дело не сразу на лад пошло. Только разошелся, а тут пора кончать: ребята уже приходят. Как ни в чем не бывало, я положил на место инструмент

и будущую птицу понадежнее запрятал.

Так работал я каждый день. Иногда прятался где-нибудь под лестницей. Не хотел, чтоб меня за работой застали.

Совсем была уже моя птица готова, а вот переход от шеи к крылу никак не давался. Возился, возился — и швырнул свою птицу в угол. Сел на ящик, от камина отвернулся.

— Что, сделал? Думал, раз-два и готово. Как же...

Я подошел к камину. Стал разглядывать. И вдруг понял. Вот оно что: нет границы, не кончается шея, не начинается крыло. Одно переходит в другое незаметно, плавно.

Поднял я свою птицу и снова за работу. И так хорошо и легко работалось, как никогда.

Наступил такой день: закончил я птицу. Оставалось поставить ее на место.

Ночью мне опять не спалось. Скорей бы утро!

Еще только светало, когда я вошел в зал. На цыпочках подхожу я к камину, углубляю отверстие и осторожно ставлю птицу.

Готово!.. Но что это? Все птицы летают, а моя какая-то неподвижная. Что за напасть!

Я отбежал от камина и снова подошел. Со всех сторон оглядываю мою птицу. Не летит! Совсем как мертвая.

— Хорошо, друг мой, очень хорошо!

Я обернулся. В дверях Яков Львович. И улыбается, как тогда на восковую рожицу.

— Птица не летает! — закричал я.

Яков Львович спокойно взял у меня резец и одним ударом углубил изгиб крыла.

Птица сразу ожила, будто и впрямь крыльями замахала.

Я засмеялся:

— Полетела!

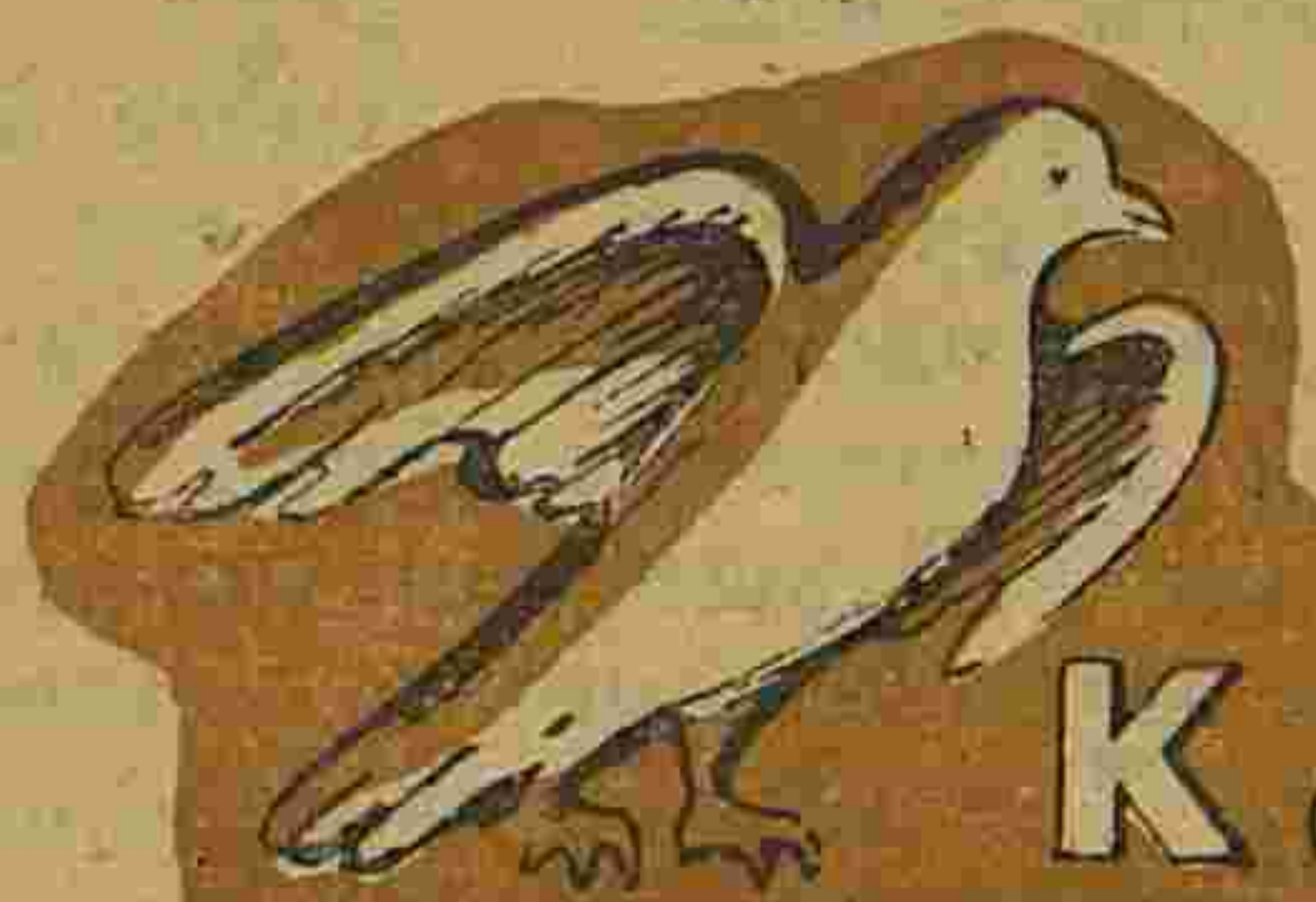
Мастер смотрел на меня, сощурив глаза. Было ясно — он знал, кто тогда отбил птицу.

Со страхом смотрели петербуржцы на крепость, в каменных стенах которой томились лучшие люди. Но только после революции стало подробно известно о всех ужасах, которые творились в крепости.

Сейчас крепость уже никому не страшна. Около ее стен раскинулся пляж, где в сол-

нечные летние дни любят отдыхать ленинградцы. Тюрьма стала музеем. Каждый школьник может осмотреть ее, пройти по длинным коридорам, зайти в камеру, где томился А. М. Горький, услышать от руководителя волнующий рассказ о том, как самоотверженно боролись лучшие русские люди за счастье своего народа.

КАМЕННАЯ ПТИЦА

Ал. Энник

Рис. В. Бомаш

В художественно-ремесленном училище мы были тогда еще „новенькими“. Во дворце, где мы должны были работать, наш мастер Яков Львович всё нам показывал и объяснял. Он остановился перед белым мраморным камином. Камин украшали цветы и птицы.

— Четыре, — сосчитал я птиц и подумал, — мраморные, а кажется, что вот-вот взмахнут крыльями и полетят.

Что говорил Яков Львович, я не слушал. Все мне было ни о чем. Я расхаживал по залу, как на заднем дворе своего дома. Руки мои так и чесались: что бы сотворить?

Зал ремонтировался. На полу стояли ящики с красками и гипсом, ведра с клеем, мыльной водой и воском. Я взял кусок воска, быстро вылепил из него рожицу, ну точь в точь, как лицо Якова Львовича. Потом незаметно приклеил ее к стене.

Я думал, он не заметит, а он как раз подошел, посмотрел на рожицу и еще улыбнулся.

Скоро ребята пошли в столовую, а я задержался, просто так у камина, сам не знаю зачем — цветы и птиц разглядывал. Потом подобрал с полу молоток, стукнул слегка по птичьему крылу, потом сильнее по клюву, да и отбил всю птицу. Обернулся, в дверях зала — Яков Львович.

„Видел“? — метнулся я в сторону. Затем, как ни в чем не бывало, догнал ребят и пошел с ними обедать.

После обеда Яков Львович собрал нас. „Значит видел, — решил я, — и сейчас, при всех будет ругать. Ну, ясное дело, выгонит. И пусть! Наплевать!“

Яков Львович привел нас в комнату и сказал:

— Видите, друзья мои, — он по-моему побледнел даже. — Больше ста лет назад талантливый скульптор взял кусок белого камня, который называется мрамором. Он много трудился и превратил камень в веселых птиц, летающих среди цветов. — Яков Львович дотронулся рукой до выемки, где была птица. — Сегодня кто-то отбил птицу. Может быть, это сделал кто-нибудь из вас? Но нет, никто из вас, друзья мои, этого сделать не мог.

Я чуть не закричал: „Вы же знаете — кто! Вы своими глазами видели!“ — но так ничего и не сказал.

А Яков Львович говорил и говорил. Про этот зал, про пышные придворные балы, про Пушкина. Здесь бывал поэт и, может быть, стоял, облокотившись на этот камин.

Ночью я не мог заснуть. Как только я закрывал глаза, передо мной кружились птицы, отваливались куски мрамора, и ни-весть откуда взявшийся Яков Львович говорил: „Конечно никто из вас, друзья мои, этого сделать не мог“.

— А вот мог! — хватил я кулаком по подушке.

РАССКАЖИТЕ НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

ЧТО ТАКОЕ ЧЕСТЬ

Матвей Романовский

Рис. В. Дмитриева

„Боритесь за честь своего коллектива“ — эти слова простого и гордого призыва часто слышатся в нашей стране.

... В кабинете директора обувной фабрики „Скороход“ многолюдно и шумно: идет совещание. Выступают рабочие, инженеры. Чем они так взволнованы, о чем так горячо спорят?

Они говорят о качестве сырья, о способах и сроках пошивки обуви. Они вносят новые и новые предложения.

— Наша обувь должна быть лучшей в стране, — говорит главный инженер. — Наша обувь должна быть самой прочной, самой красивой, самой удобной. И мы добьемся этого. Для этого мы будем... — и тут главный инженер перечисляет все, что следует предпринять и выполнить, чтобы продукция фабрики стала действительно лучшей в стране.

К чему призывают руководители фабрики и стахановцы свой коллектив? К борьбе за честь фабричной марки. К борьбе за честь фабрики. Это значит: все рабочие и служащие фабрики должны так работать, чтобы каждый мог гордиться тем, что он член такого дружного, прославленного коллектива.

На поле стадиона — голубые и белые майки. Свисток. Матч начался. Все зрители, не отрываясь, следят за игрой. Сколько раз казалось: вот-вот будет забит гол в ворота „Зенита“. Но вратарь „Зенита“ Леонид Иванов каждый раз мертвой хваткой берет такие мячи, которые, кажется, нельзя отразить. Вратарь не знает промаха. И что ж?

Кончился первый тайм, а ни один гол не забит в ворота „Зенита“.

На трибунах раздаются голоса:

— Молодцы футболисты „Зенита“! Вратарь каков! Ни одного мяча не пропустил!

Успех вратаря — заслуженный. Но его успех — залог успеха всей команды. Ведь каждый игрок защищает честь всей команды.

Было так: после ожесточенного боя генерал вызвал к себе на командный пункт офицера — командира роты.

— Вы молодец, лейтенант! — похвалил генерал. — Батальон прекрасно вел бой, а ваша рота — лучше остальных. Вы умеете защищать Родину. Вы умеете драться за честь своей роты.

— Я привык драться за честь своего коллектива, — ответил лейтенант.

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

— Сколько времени вы командуете ротой?

— Месяц.

— Когда же вы научились драться за честь своего коллектива?

— Еще в детстве, товарищ генерал. В Ленинграде, в школе, меня еще мальчишкой научили защищать честь своей школы.

— Какая это школа?

— Это была сто первая полная средняя.

— Я тоже ленинградец, — сказал генерал. — Когда мой сын подрастет — я отдам его в ту, вашу школу, где дети приучаются бороться за честь своего коллектива.

Школьный коллектив — это первый коллектив, в котором форми-

руется человек. Вот почему важно в школьные годы научиться отстаивать честь своего коллектива.

Есть в Ленинграде школа, про которую говорят, что ученики всех ее классов учатся хорошо. Но лучший из лучших — это класс шестой „Б“. Здесь строгий порядок, четкая дисциплина. И никогда не услышишь в этом классе ни окриков, ни уговоров.

Случилось так, что один ученик, сильный в математике Лева Михеев стал на уроках алгебры читать романы.

Первым это увидел сосед Левы, об этом узнал весь класс.

Как вы думаете, что сделали мальчишки? Сказали Михееву, что он ведет себя недостойно, что он позорит репутацию класса? Нет, ученики ничего не сказали Леве. Ни слова. Они только чуточку изменили свое отношение к нему. А Лева это сразу почувствовал. Почувствовал и устыдился. Больше на уроках он не читал романов.

Это произошло именно так, а не иначе, потому что в шестом „Б“ классе (как и в других классах этой школы) у учеников развито чувство ответственности за свой коллектив. А тот кто гордится своим коллективом, сумеет исправиться.

В одну из ленинградских школ поступил коренастый, смуглолицый мальчик — казах. Русский язык ему не давался.

А класс был сильный: по русскому языку никто не имел двоек. Только Кунанбаев и за сочинение, и за диктовку, и за ответ у доски получал двойку за двойкой. С каждой новой двойкой Кунанбаева снижается успеваемость всего класса. Видит сам Кунанбаев; не годится так дальше. А что предпринять? Стали думать сообща: надо Кунанбаеву во что бы то ни стало освоить русский язык. Он дал обещание классу, а ребята обещали помочь ему.

С этого дня орфографический словарь Ушакова, сборник упражнений по грамматике и синтаксису стали настольными книгами Кунанбаева. В особую тетрадь он записывал каждое незнакомое русское слово, каждый оборот речи. Стал много читать. Ежедневно писал под диктовку товарищей. Так прошло полгода.

Кунанбаев добился своего: наступил день, когда он хорошо, без единой ошибки, написал диктовку. Это было так радостно. И не только Кунанбаеву. Весь класс захолопал в ладоши. Еще бы! Кунанбаев доказал, что он отличный товарищ, что он умеет преодо-

леть трудности, когда речь идет о чести его коллектива.

Ребята 7-го класса одной из ленинградских школ решили помочь ученику их класса Громову, отец которого инвалид войны. Чтобы произвести ремонт комнаты они достали в школе мел и синьку, в Жилотделе получили обои.

А через три дня дружной работы комната стала неузнаваемой: выбелен потолок, оклеены стены, вставлены стекла.

Потом ребята взяли ордер на дрова, полученный Громовыми,

и на машине поехали на склад, привезли дрова, распилили, раскололи их и сложили в сарай.

Тимуровцы этой школы помогали не только своим товарищам по классу. Многие семьи инвалидов Отечественной войны вспоминают заботливых пионеров.

Ребятам приятно, когда взрослые с благодарностью отзываются о них. Ведь это благодарят их школу. Это составляет честь школы, честь их пионерского отряда.

Во время школьных Шахматных соревнований произошел такой случай с командой одной из ленинградских школ. Чемпиону школы Васе Захарову предстояла особенно трудная встреча с опытным игроком первой категории. А для того, чтобы команда его школы заняла первое место в районе, Захаров непременно должен был выиграть.

На последней — восьмой доске играл Коля Тарасов. Он прекрасно знал шахматную теорию и увлекался самостоятельной разработкой дебютов. На этот раз у Коли была своя маленькая тайна, о ней он никому не рассказывал, даже друзьям.

Изучая партии Ласкера, Коля нашел важное усиление во французской партии. Коля мечтал применить эту новинку при встрече с каким-нибудь известным шахматистом и выиграть партию.

Перед началом игры товарищи наперебой старались ободрить Васю Захарова, хотя каждый из них знал, что исход предрешен: противник Васи был слишком сильным и опытным шахматистом. Но дело шло о чести школьной команды. Если Вася проиграет, школа займет не первое, а второе место.

Это понимал Коля Тарасов. Как помочь Васе? И Коля решился: он откроет товарищу свою тайну, откажется от своего личного успеха, но спасет команду. Коля Тарасов так и сделал. Зато как он радовался, когда Вася одолел своего противника и выиграл партию. Их команда заняла первое место.

Что особенного в поступке Коли Тарасова?

А вот что: Коля по-настоящему дорожил честью своего коллектива и пожертвовал своим успехом ради успеха Васи, от которого зависела победа команды.

БОЙ НА КАЛИНОВОМ МОСТУ

(Русская сказка)

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. Всем хорошо жили, только не было у них детей. Вот раз царице приснилось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, а в том пруде ёрш с золотым хвостом; если царица этого ерша съест, то родится у нее сын. Позвал царь рыбаков, велел разыскать тихий пруд, закинуть в него шелковый невод. Закинули рыбаки невод, и попался им ёрш с золотым хвостом. Обрадовалась царица, позвала свою любимую подружку, попову дочь, и говорит:

— Вели, подружка, приготовить ерша к обеду, но смотри, чтобы никто к нему не дотронулся...

Стала девушка-Черनावушка ерша варить, а попова дочь все у печи вертится.

— Что за рыба такая диковинная? — думает. Оторвала золотое перышко с левого боку да и съела.

Тут и девушка-Черनावушка не вытерпела — оторвала перышко с правого боку да и в рот. А потом царица ерша съела, тарелочку почистила.

Вот скоро ли, долго ли родилось у каждой по сыну-молодцу. У царицы — Иван-царевич, у поповны — Иван-попович, у Чернавки — Иван-крестьянский сын. Стали ребятки расти не по дням, а по часам. Как хорошее тесто на дрожжах подымается, так они вверх тянутся. К десяти годам богатырями стали, — не управисься. Силушка по жилушкам бежит могучая. Кого за руку хватят, — рука прочь, кого за ноги потянут, — нога вон. Только друг с другом играть и могли.

Вот пошли они раз гулять по саду, увидели громадный камень. Уперся в него руками Иван-царевич, — чуть пошевелил. Взглянул на него Иван-попович, — только на палец приподнял. Ухватился Иван-крестьянский сын, — загудел камень, покотился, деревья в саду поломал. Под тем камнем подвал, а в под-

вале три коня богатырских, по стенам оружие ратное. Вывели молодцы коней, взяли оружие. У Ивана-царевича на коне сбруя золоченая, в руках меч золотой. У Ивана-поповича на коне сбруя посеребренная, в руках копье серебряное. А у Ванюшки-крестьянского сына сбруя у коня мочальная, в руках дубинка железная.

Только подъехали они ко дворцу, по тесовому крыльцу выбежала царица из горенки, слезами заливаётся:

— Сыны мои милые, напали на нашу страну страшные вороги, змеи лютые, идут на нас через речку Смородину, через чистый калинов мост. Всех людей окрест полонили, земли разорили, ближние царства огнем пожгли.

— Не плачь, матушка, отстоим мы речку Смородину, не пустим змея через калинов мост.

Словом-делом собрались, — поехали. Приезжают к реке Смородиной, по всему берегу кости лежат человечесьи. Все кругом огнем сожжено. У калинового моста стоит избушка на курьих ножках.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — тут нам жить и дозор нести, не пускать врагов через калинов мост; давайте по очереди караул держать.

Кинули жребий, доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, вторую — Ивану-поповичу и третью — Ванюшке.

Вот ночь настала, надел Иван-царевич золотые доспехи, взял меч, в дозор отправился. Идет-пойдет, тихо на речке Смородиной. Лег Иван-царевич под ракитовый куст да и заснул богатырским сном. А Ванюшке в избушке не спится, не ложится, седло под головой вертится. Встал Ванюшка, взял дубинку железную, вышел к речке Смородиной. Под кустом Иван-царевич спит, храпит, как лес шумит.

Жители города Ленина с гордостью произносят: „мы — ленинградцы“. Это говорят и взрослые, и дети, и бойцы, и рабочие. Это говорят те люди, которые самоотверженно, мужественно защищали свой город от врага, которые отстояли свой город и теперь восстанавливают его.

Юные ленинградцы помнят нетопленные классы, застывшие фиолетовым льдом чернилами, занятия при тусклом свете коптилки.

Враг — у стен города. А в нескольких километрах от передовой, на одной из ленинградских улиц, в школе седая учительница обводит указкой на географической карте черный кружок.

— Это — Берлин, — говорит она. — Ваши отцы будут в Берлине. Напишите же им, что вы стараетесь хорошо учиться.

Так занимались тогда ученики ленинградских школ. Они успевали учить уроки, наводить в городе чистоту, нянчить младших братьев и сестер, ухаживать за больными.

Другой стала сейчас жизнь. Отгрохотала, ушла война. Но маленькие ленинградцы никогда не забудут, как дорого досталась победа. Они гордятся своим участием в защите Ленинграда. Они гордятся тем, что они —

ленинградцы. Им особенно дорога их школа, где светло и тепло, где ни разрывы снарядов, ни вой сирены не нарушают их занятий. Этим ребятам дорога честь огромного коллектива — города, и они всегда будут высоко держать честь ленинградцев.

За честь своего коллектива бороться должен каждый. Ответственность за свой коллектив требует от каждого дисциплины, инициативы, высокого чувства товарищества.

Чувство чести надо воспитывать в себе с детства, в школе.

Честь школьника прежде всего в отличной учебе.

Честь школьника — в выполнении тимуровских заданий, в победе на спортивных состязаниях, в борьбе за дружный, спаянный коллектив. И если в будущем нынешние школьники, став уже взрослыми людьми, услышат слова:

„Вы умеете драться за честь своего коллектива“ — то их ответ: „Этому я научился еще в школе“ — будет самой лучшей похвалой школе, воспитавшей в них высокое сознание чести — чести патриота своей Родины.

Поэт и соловей

Вит. Бианки

НАРОДНАЯ ЗАГАДКА

Не в избе, не на улице соловьиное гнездышко.
Отгадка: дверь скрипит.

Поэт всю жизнь пел соловья и розы.

Соловей и розы приносят счастье. Счастье приносит славу. Слава дает деньги.

Под старость поэт разбогател. Он купил себе за городом дачу с садом роз — и поселился в ней на покое.

Летом в его саду запел соловей. Он свистал и щелкал и рассыпался трелями почти так же красиво, как в стихах у поэта.

По вечерам поэт садился у открытого окна и слушал соловьиное пенье. По утрам он выходил в сад — понюхать розы. Разные птицы встречали его своими криками, щебетаньем и свистом.

Поэт думал: „В саду поэта, из всех птиц прославляющего соловья, одного соловья, — и должен жить один только соловей. Другие птицы с их жалким щебетаньем и писком здесь не у места.“

Особенно одна птичка ему досаждала: поэт подойдет к кусту, — она скрипеть. И скрипит и скрипит дверным скрипом, — неприятно!

Поэт раздвинул куст и там — у самой земли — увидел гнездо с пятью яичками земля-

ного цвета. А птичка скрипит, птичка стонет!

— Не хочу тебя обижать, миленькая, — сказал поэт. — Но ты мешаешь мне наслаждаться в тишине ароматом роз. Я тебя выселю.

Он осторожно отделил гнездо от куста и отнес его вместе с яичками за ограду — подалее в лес.

Вечером поэт раскрыл окно, сел в удобное кресло и стал ожидать, когда запоет, защелкает соловей.

Но соловей не запел. И вот досада: больше никогда уж не пел в саду поэта!

Оказалось, поэт сам, своими руками, выселил соловья из своего сада.

Оказалось, гнездо с яичками земляного цвета было гнездом соловья. И птичка, так неприятно скрипевшая у гнезда резким дверным скрипом, была — сам соловей.

Не до песен соловью, когда опасность грозит его гнезду, в тревоге он стонет скрипучим голосом.

Но откуда же было знать об этом поэту!

Вдруг в реке вода взволновалась, на дубах орлы раскричались, выезжает чудо-юдо — шестиглавый змей.

Как дохнет на все стороны — на три версты все огнем пожёт. Приступил его конь ногой на калинов мост. Рассердился тут Иван-крестьянский сын:

— Ты куда со своей лапой на чистый калинов мост?

Выскочил Ванюшка, размахнулся дубинкой железной — три головы, как кочны, снес, размахнулся еще разок, — еще три сшиб. Головы отрезал, под мост положил, туловище в реку столкнул. Пошел в избушку да и спать лег.

Утром-светом вернулся с дозора Иван-царевич.

— А что, братец, как ночь прошла?

— Тихо, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

Сидит Ванюшка, помалкивает.

На другую ночь пошел на дозор Иван-попович. Идет-пойдет — тихо на речке Смородиной. Лег Иван-попович под ракитов куст и заснул богатырским сном. Среди ночи взял Ванюшка железную палицу, пошел на речку Смородину. Под кустом Иван-попович спит, храпит, как лес шумит. Вдруг в реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались, выезжает чудо-юдо девятиглавый змей. Под ним конь споткнулся, ворон на плече встрепенулся, сзади пес ошетинился. Рассердился девятиглавый змей:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, песья шерсть, щетинишься? Нет для меня на всем свете противника!

Отвечает ему ворон с правого плеча:

— Есть тебе на свете противник — русский богатырь Иван-крестьянский сын!

— Иван-крестьянский сын не родился, а если родился, то на войну не сгодился, я его на ладонь посажу, другой прихлопну, только мокренько станет.

Рассердился Ванюшка:

— Не хвались, вражья сила! Не поймав ясного сокола, рано перья щипать, не побившись с добрым молодцом, рано хвастаться!

Вот сошлись они, ударились, — кругом земля застонала. Рассердился Ванюшка, разошелся, размахнулся дубинкою, — три головы, как кочны, снес. Но и змей его по щиколотку в землю вбил.

— Стой, Иван-крестьянский сын, дай мне роздыху.

— Какой тебе роздых, вражья сила, у тебя девять голов, у меня одна!

Размахнулся Иванушка, — еще три головы снес, а чудо-юдо ударил, — по колена Ивана в землю вогнал. Тут Ванюшка изловчился, захватил горсть земли и бросил змею в глаза. Пока змей глаза протирает, брови прочищал, Иван-крестьянский сын сшиб ему три головы. Головы отрезал, под мост положил, туловище в воду бросил.

Утром-светом вернулся с дозора Иван-попович.

— А что, братец, как ночь прошла?

— Тихо, братцы, только комар над ухом пищал.

Тут Ванюшка повел их на калинов мост, показал им змеиные головы:

— Эх, вы, сони непробудные! Разве вам воевать, вам бы дома на печи лежать!..

На третью ночь собирается на дозор Ванюшка. Обувает сапоги яловые, надевает рукавицы пеньковые, старшим братьям наказывает:

— Братцы милые, я на страшный бой иду, лежите, не спите, моего крика ожидайте.

Вот стоит Ванюшка у калинового моста, за ним земля русская. Пошло время за полночь, на реке воды заволновались, на дубах орлы раскричались. Выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое, каждая голова своим напевом поет. Из ноздрей пламя пышет, изо рта дым валит. Под ним конь о двенадцати крылах, шерсть у коня железная, хвост и грива огненные. Въехал змей на калинов мост. Тут конь под ним спотыкнулся, ворон на плече встрепенулся, сзади пес ошетинился. Чудо-юдо коня плеткой по бедрам, ворона по перьям, пса по ушам.

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься! Али вы думаете Иван-крестьянский сын здесь? Да если он родился да и на войну сгодился, я только дуну, — от него прах останется.

Рассердился тут Ванюшка, выскочил.

— Не побившись с добрым молодцем, рано, чудо-юдо, хвастаешь!

Размахнулся Ванюшка, сбил змею три головы, а змей его по щиколотку в землю вогнал, подхватил свои три головы, черкнул по ним огненным пальцем, — все головы приросли, будто век не падали. Дыхнул на Русь огнем, на три версты все пожёг кругом. Видит Ванюшка — плохо дело; схватил камешек, бросил в избушку, братьям знак подать. Все окошечки вылетели, ставенки в щепы разнеслись, — спят братья, не слышат. Собрал силы Ванюшка, размахнулся дубинкой, сбил змею шесть голов. А змей огненным пальцем черкнул, — приросли головы, будто век не падали. А сам Ванюшку по колена в землю вбил. Дыхнул огнем, на шесть верст русскую землю сжёг.

Снял Ванюшка пояс кованный, бросил в избушку — братьям знак подать; рассыпалась крыша тесовая, покатались ступеньки дубовые, спят братья, храпят, как лес, шумят. Собрал Ванюшка последние силы, размахнулся дубинкой, сшиб змею девять голов. Вся сыра земля дрогнула, вода всколыхнулась, орлы с дубов попадали. А Змей Горыныч подхватил свои головы, черкнул огненным пальцем, — приросли головы, будто век не падали. А Ванюшку по пояс в землю вогнал, дыхнул огнем, на двенадцать верст русскую землю сжёг.

Снял Ванюшка рукавицу пеньковую, бросил в избушку — братьям знак подать. Раскатилась избушка по бревнышку. Проснулись

братья, выскочили. Видят, — вздыбилась речка Смородина, с калинового моста кровь бежит, на русской земле стон стоит, на чужой земле ворон каркает. Бросились братья на помощь Ванюшке. Пошел тут богатырский бой. Чудо-юдо огнем палит, копытом бьет, дымом душит. Иван-царевич мечом бьет. Иван-попович копьём колет. Земля стонет, вода кипит, ворон каркает, пёс воет...

Изловчился Ванюшка и отсек змею огненный палец. Тут уж стали братья бить-колоть, отсекали змею все двенадцать голов, туловище разрубили, в воду бросили. Отстояли калинов мост.

Утром рано-ранёшенько вышел Иван-крестьянский сын в чисто поле, о землю грянулся, обернулся мушкой и полетел в змеиное царство. Долетел Иванушка до змеиного дворца, сел на окошечко. Сидят в белокаменной палате три змеиных жены, слезы льют:

— Убил Иван наших любимых мужей, осиротил наших сыновей! Как Ивану-крестьянскому сыну с братьями мстить будем?

Старшая жена золотые волосы чешет, громким голосом говорит:

— Напущу я голод, сама выйду на дорогу, сделаюсь яблоней, — кто мое яблочко сорвет, враз умрет.

Средняя жена серебряные волосы чешет, громким голосом говорит:

— А я напущу сушь, жажду великую, сама сделаюсь колодцем с ключевой водой, — кто моей воды попьет, враз умрет.

Третья жена медные волосы чешет, громким голосом говорит:

— А я сон да дрёму напущу на глаза, обернусь сама тесовой кроватью, пуховой периной, — кто на кровать ляжет, огнём сгорит.

Полетел Иванушка в чисто поле, о землю грянулся, добрым молодцем стал. Пошел в дозорную избу, разбудил братьев и говорит:

— Братья мои милые, убили мы змеев, остались змееныши, надо самое гнездо разорить, пепел развеять, а то не будет на калиновом мосту покоя. Вот собрались, мост переехали, по змеиному царству поехали. Едут-едут, кругом ни кола, ни двора, ни сада, ни поля, — всё огнем сожжено. Стали братья на голод жаловаться. А Иванушка помалкивает. Вдруг видит: стоит яблоня, а на яблоне золотые яблоки. Обрадовались братья, коней погоняют, к яблоне спешают, а Ванюшка поскакал вперед и давай рубить яблоню, топтать, давить яблоки, — только стон пошел. Братья сердятся, а Иванушка помалкивает. Едут дальше. Долго ли, коротко, — пала жара страшная, а кругом ни речки, ни ключа. Вдруг, стоит колодец золотой с ключевой водой, на воде чарочка золотая плавает.

Бросились братья к колодезю, а Иванушка впереди; стал рубить колодезь, воду мутить, чарочку топтать, — только стон по степи пошел. Братья злобятся, а Иванушка помалкивает. Ну, поехали дальше. Долго ли, коротко, — напал на братьев сон, накатила дрема. Глаза сами закрываются, богатыри в седлах качаются, на гривы коням падают. Вдруг видят: стоит кровать тесовая, перина на ней пуховая. Братья к кровати спешают, а Иванушка впереди всех, — им лечь не дает.

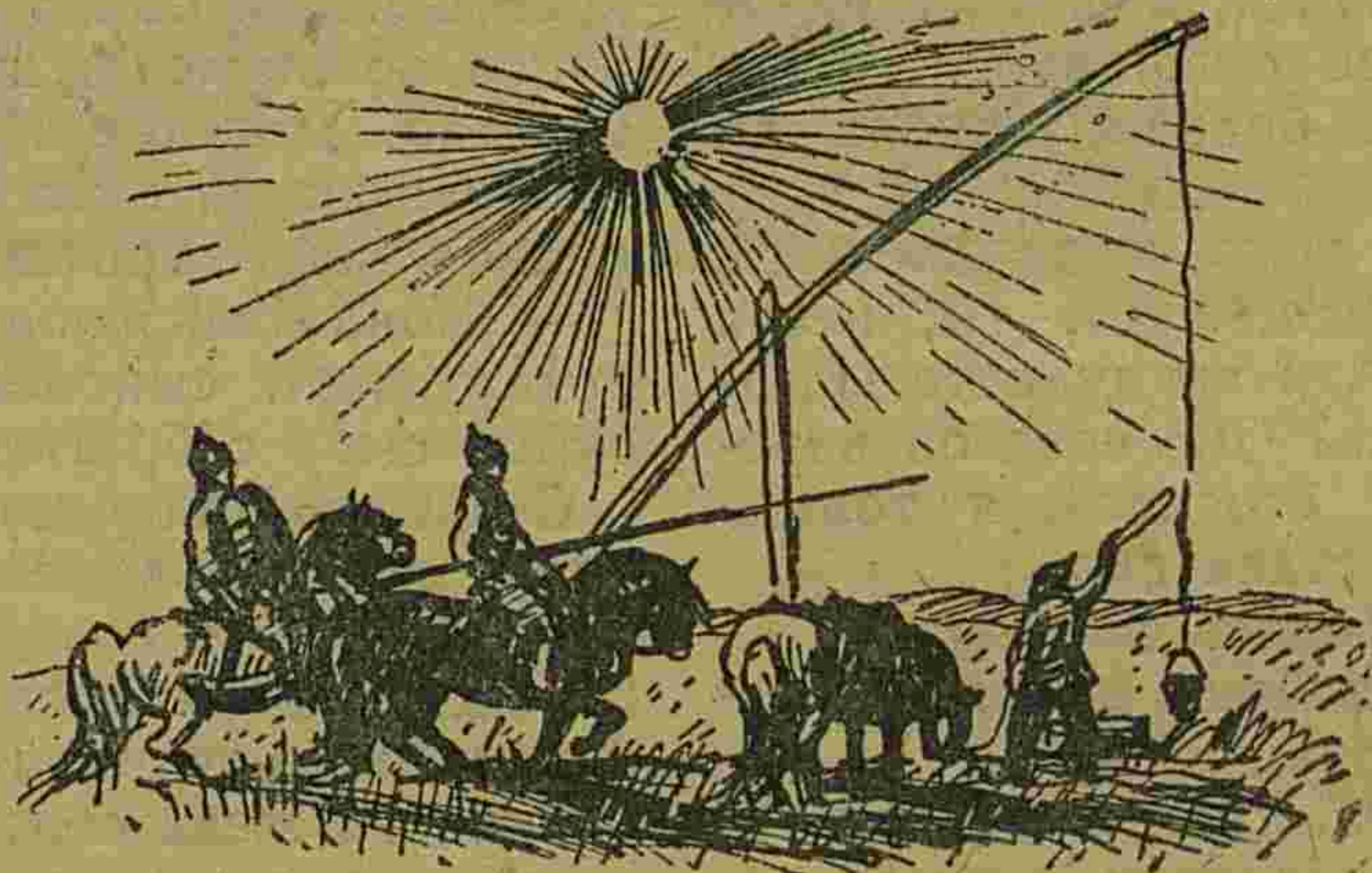
Рассердились братья, за мечи схватились, на Иванушку бросились, а Иванушка им и говорит:

— Ах, братцы любимые, я вас от смерти спас, а вы на меня злобитесь!

Взял сокола с правого плеча, на кровать бросил, — сокол огнем сгорел. Вот братья ту кровать порубили, сожгли, пепел по ветру развеяли. Доехали они до змеиного дворца, убили змеенышей, дворец сожгли, пепел по ветру развеяли. Да со славой домой поехали.

Задал царь пир на весь мир. Я на том пиру была, мед и пиво пила, по подбородку текло, а в рот не попало.

Обработала И. Карнаухова

ВОКРУГ КАНАДЫ НА МАЛЕНЬКОМ БОТЕ

А. Антрушин

Четыре века моряки и ученые мечтали совершить плавание вокруг северных берегов Канады, чтобы пройти сквозным арктическим северо-западным путем из Атлантического океана в Тихий. Выполнить это удалось только одному арктическому мореплавателю — Роальду Амундсену в 1903—1906 годах. Отважный норвежский путешественник не только прошел этот путь, но еще открыл по соседству с бухтой Пэсли Северный магнитный полюс и нанес его на карту.

Роальд Амундсен прошел во льдах от Гренландии до Берингова пролива, то-есть с востока на запад. Но проплыть с запада на восток долгое время не удавалось ни одному человеку.

Только весной 1940 года капитан Ларсен принял такое отважное плавание на маленьком деревянном парусно-моторном боте „Сент-Рок“. Он вышел из Ванкувера — столицы британской Колумбии, миновал устье реки Юкон и, следуя вдоль материка, добрался до залива Кэمبرидж. Здесь капитан Ларсен остался зимовать.

Летом 1941 года плавание возобновилось, но льды оказались столь прочными, что за лето уда-

лось пробиться только до бухты Пэсли. Здесь, вблизи Северного магнитного полюса, прошла вторая зимовка Ларсена. Освободиться от ледяных оков „Сент-Рок“ смог лишь летом 1942 года и, обогнув Баффинову землю — огромный полярный остров, вышел в пролив Дэвиса, а затем в Атлантический океан. В порт Галифакс „Сент-Рок“ прибыл через двадцать восемь месяцев после выхода из Ванкувера.

Ранней весной 1944 года деревянный бот, обитый для прочности дубовыми досками и медными листами, отправился в обратный рейс. Но на этот раз Ларсен избрал другой путь; он не пошел вдоль материка, а пошел через огромный архипелаг полярных островов, на Аляску. Здесь оказалось гораздо меньше льдов, чем у берегов Канады, и бот без особых помех прошел весь путь в одну навигацию. На восемьдесят шестой день „Сент-Рок“ бросил якорь в Ванкувере.

Канадцы осваивают новый путь вокруг Канады, подобно тому как советские полярники освоили Великий Северный Морской путь вокруг Сибири.

В ЕЩЕ С Т В О

жизни

Л. Савельев

Рис. В. Ивановой

Мое тело состоит из клеток, — маленьких белковых телец. Их много, очень много: тридцать миллионов миллионов. Это число пишется так: 30 000 000 000 000. А произносится так: тридцать миллиардов.

Как дать представление об этом числе? Можно, например, сравнить эти клеточки с кирпичами, а мое тело со зданием, построенным из этих кирпичей. Но самое большое здание состоит всего из миллиона кирпичей. Клеток в моем теле гораздо больше.

Можно уподобить мое тело целой стране, а клеточки — жителям этой страны. Но самая многолюдная страна на земле насчитывает триста миллионов жителей. В одном суставе моего пальца больше маленьких телец!

Можно, наконец, сравнить клеточки со звездами, а мое тело — со вселенной. И это будет, пожалуй, самое подходящее сравнение, потому что звезд, — если считать и те, которые не различить простым глазом, — миллионы миллионов.

Маленькие клеточки, составляющие мое тело, должны есть: ведь они — живые. Без еды они ослабеют, станут чахнуть и, в конце концов, погибнут. А погибнут они, — погибнет все мое тело, я умру.

Вот для чего я каждый день завтракаю, обедаю и ужинаю: чтобы накормить, насытить тридцать миллионов миллионов клеточек.

Как их накормить?

Но как накормить все мои клеточки? Оказывается, кусочки пищи, которые я кладу себе в рот, претерпевают множество разных изменений: сначала во рту, затем в желудке, и, наконец, во время их длительного странствования по кишкам.

Клеточки моего тела могут только всасывать жидкость, — пить, как это

делают цветы, деревья и травы. Поэтому все, что я ем, — мясо, рыба, хлеб, овощи — в таком виде не годится для клеточек. Чтобы они могли воспользоваться пищей, надо сначала ее растворить и превратить как бы в питье. Но клеточки очень разборчивы. Оказывается, полезно им не всякое питье. Разве плохой напиток — молоко? Но оно не годится для клеточек в таком виде, как оно есть.

В прошлом году я болел ангиной: у меня распухло горло, и я не мог глотать. А есть и, особенно, пить мне очень хотелось. Казалось бы, почему не взять молоко и не впрыснуть его мне под кожу, прямо в тело? Но врач этого не сделал, потому что молоко для клеток не питье, а отравка.

Молоко только тогда станет настоящей пищей для моих клеточек, если его превратить особен-

ным образом в совсем другой напиток. Так обстоит дело не только с молоком, а и с мясом, рыбой, хлебом, маслом, овощами, — вообще, со всякой пищей.

Клеточки без вреда для себя могут пить один единственный напиток. Это их единственная еда. Из нее черпают они свои силы. Но нигде в мире не найти готовым этот замечательный напиток.

Только в недрах человеческого тела — во рту, желудке и кишках — совершается таинственное превращение хлеба, молока, мяса, масла в питье для клеточек. Можно с полным правом назвать это питье — жизненным напитком, соком жизни.

Одни народы едят хлеб; некоторые — рис; другие — рыбу; иные — плоды кокосовых пальм. Но все это только различный материал, из которого готовится всегда одно и то же: жизненный напиток.

Из чего состоит жизненный напиток? Он состоит из смеси воды, белка, сахара и жира.

Белок — это вещество жизни потому, что это основной материал, из которого состоит тело любого животного. Но сахар и жир тоже необходимая составная часть каждого живого существа. Так что и сахар, и жир можно, подобно белку, причислить к веществам жизни. Жизненный напиток состоит из смеси трех этих веществ и воды. Этим изо дня в день питаются мои клеточки. Из этого состоят они — и, значит, я сам.

Но вещества жизни не существуют в природе готовыми. Чтобы приготовить их, нужно было соединить друг с другом какие-то основные природные вещества или, как говорят ученые — элементы.

Кто, как и из чего создает эти вещества жизни?

Начнем с белка: он почти целиком состоит из четырех, соединенных между собою, элементов — углерода, кислорода, водорода и азота. Из этих же веществ состоят и сахар и жир. Только в каждом эти вещества соединены по-иному.

Из чего я состою?

Кто бы мог подумать, что для приготовления жизненного напитка, для создания белка, сахара, жира, для создания того материала, из которого состоит человеческое тело, — достаточно всего лишь четырех основных веществ: углерода, кислорода, водорода и азота! Это самые обыкновенные, самые распространенные вещества на свете.

Углерод? Угли в печке, которые остаются после того, как сгорели дрова, состоят из угле-

рода, и в каменном угле, в графите тоже — углерод.

Азот и кислород? Их вокруг нас сколько угодно: воздух, это и есть смесь азота с кислородом.

Водород? Вспомните, вода — это водород, соединенный с кислородом.

Больше всего в моем теле кислорода — больше половины всех веществ. И — любопытное совпадение! — в земле, на которой мы живем, тоже больше всего кислорода. Очень много в земле углерода. Очень много его и в моем теле.

Мы окружены еще воздухом и водой. И вот оказывается: в моем теле как раз те самые элементы, из которых состоит вода и воздух. Это не случайное совпадение, и объяснить его можно только так: живые существа издавна приспособились к тому миру, в котором они живут. Они научились обходиться такими элементами, которые никогда не исчерпываются: веществами, из которых состоят земля, вода, воздух. Эти элементы всегда тут же, поблизости, всюду.

Кругом сколько угодно этих веществ, — мы ведь все время живем в безбрежном кислородно-углеродно-азотно-водородном море. Почему же нельзя просто взять углерод, азот, кислород, водород из воздуха или воды и самим приготовить из них жизненный напиток?

Если бы мы только знали, как это сделать! Вся жизнь тогда пошла бы совсем по-иному.

Из груды кирпичей каменщик может построить любое здание — дом, башню, дворец, вокзал. Но сама по себе груды кирпичей — это еще не здание, а только материал для него. Так же точно из углерода, кислорода, азота и водорода можно составить тысячи разных веществ, в том числе и вещества жизни. Но сами по себе азот, водород, кислород и углерод — это еще не вещество жизни, и мы не можем питаться ни воздухом, ни водой.

Секрет растений

Трудно ли соединить так частицы углерода, кислорода, азота и водорода, чтобы из них получилось живое существо?

Возьмем, к примеру, белок, основное вещество жизни. Любая мельчайшая частица — или, как говорят ученые, молекула — белка состоит приблизительно из 8000 частичек углерода, 4000 частичек кислорода, 2000 частичек азота и 16000 частичек водорода. И все эти частички должны расположиться не в беспорядке одной грудой, а соединиться между собой так, чтобы из них получился особый, замысловатый узор, особое сооружение.

Такая крохотная, незримая, но очень сложная постройка и есть молекула белка.

До сих пор еще никто не знает точно, как именно расположены частички в этом сооружении. И никто не умеет строить молекулы белка. То же самое можно сказать о молекулах сахара и жира.

Кто же незаметно и непрерывно, точно добрый, скромный волшебник, готовит для нас белок, и сахар, и жир? Кто соединяет неустанно все новые и новые атомы углерода, кислорода, азота и водорода так, что они становятся веществом жизни?

Это делают зеленые листья.

„Я снимаю свою шляпу перед каждым зеленым листом, — сказал один знаменитый ученый, — благодарю его за то, что он дает мне жизнь!“

И это, действительно, так. Мы все — люди, животные — погибли бы очень скоро, если бы на земле исчезли растения.

Деревья, травы, мхи, овощи, злаки, цветы — все эти зеленые существа живут таинственной жизнью, непохожей на нашу. Они стоят неподвижно и не ищут себе пропитания. И все же они сыты, потому что они знают тот секрет, который скрыт от всех, кроме них: растения из углерода, кислорода, азота и водорода умеют делать вещество жизни, жизненный напиток.

Они — растения — кормятся воздухом, водой и землей. Они могут это делать потому, что в каждом листочке находится множество крохотных зеленых — хлорофильных — крупинок. В этих крупинках и происходит таинственное превращение самых обыкновенных мертвых веществ в вещество жизни.

Но только днем, только на солнечном свете может совершаться это превращение. Стоит растение поместить в темноту — и оно теряет свою удивительную способность. Попробуйте не будет недостатка в атомах углерода, кислорода, азота и водорода. Но уже не будет той нитки, которой можно связывать их, не будет солнечного луча. И растение умрет с голоду: завянет.

Вещество жизни

Каждый маленький листик, каждый крохотный колосок, каждая тоненькая, качающаяся на ветру былинка — это как бы чудесная швейная мастерская: здесь с утра до вечера солнечным лучом сшивают тысячи атомов углерода, кислорода, водорода и азота так, что получается из них тот сложный узор атомов, который нужен для жизни: молекула вещества жизни.

И растения успевают сшить столько этих молекул, что их хватает не только им самим, но и животным, и нам, людям...

Цветок вытянул из воздуха, воды и земли атомы углерода, кислорода, водорода, азота, превратил их в молекулы вещества жизни. Мотылек, пролетая, сел на листок, взял вместе с соком эти драгоценные молекулы. Птица схватила мотылька, проглотила его. Человек убил птицу и съел ее мясо. И атомы, которые были когда-то воздухом и водой, потом цветочным соком, потом крылом бабочки, потом мясом птицы, станут теперь частью человека, может быть, кусочком его сердца или глаза, или мозга. Но это будет все тот же, или почти тот же, кислородно-углеродно-водородно-азотный узор атомов. И вышла этот узор незабудка, а мотылек, птица, человек получали его поочередно друг от друга, уже готовым...

Однако, это только говорится так: „Сшить атомы солнечной нитью“. Атомы ведь не пуговицы, ниткой их не пришьешь. И, на самом деле, атомы не сшиваются, а соединяются совсем другим, особым способом.

(Окончание в следующем номере)

МЫ СТРОИМ

Ю. Каприлов

Рис. А. Пахомова

Мы строим дом из кирпичей,
Мы печь кладем из кирпичей,
Весь город наш из кирпичей,
Все города из кирпичей.

Но ты не думал, добрый друг,
Что это — труд упорных рук,
Что каждый камешек простой
Проложен чьей-нибудь рукой.
Ты дом любил и комнат ряд,
Диван и шкаф, где книги спят,
И стол с причудливой резьбой,
Часы с кукушкой и совой.
Но ты подумал ли хоть раз
Кто сделал все это для нас?

Роняя нож, надев пиджак,
Садясь за стол, беря рюкзак,
Ты думал ли, мой друг, о том,
Что нужно было строить дом,
Точить ножи, кроить пиджак,
Строгать столы и шить рюкзак?
Нет, ты не думал никогда,
Ты знал: из крана бьет вода,

Под абажуром свет горит,
Под крепкой крышей дом стоит.
Как будто бы родился мир
С уютом комнат и квартир.
Но рухнул дом, и свет потух,
Остались: стул один на двух,
Стол на подпорочках кривых
Да пара ящиков пустых.
Из них ты шкаф соорудил.
А дом! Быть может, ты забыл
Пустой вагон, сырой окоп
И щель, похожую на гроб.

Но мы не отдали врагу
Дом на Балтийском берегу —
Наш общий дом — и твой и мой —
Наш светлый город над Невой.
За все, что отняла война,
Враги заплатят нам сполна.
Дай руку мне, товарищ мой,
Мы восстановим город свой,
Мы все вернем до мелочей.

Мы строим дом из кирпичей.

КАК РУССКИЕ ХОДИЛИ НА БЕРЛИН

Вл. Николаев

Рис. В. Курдова

В середине XVIII века прусский король-завоеватель Фридрих II решил захватить некоторые земли Прибалтики и Польши.

Прусское двухсоттысячное войско было хорошо вооружено. Солдаты были отменно вымуштрованы, обучены всем правилам войны. Пехота, конница, артиллерия — все знали в бою свое место. Фридрих гордился своей армией и считал ее непобедимой.

О своих противниках — русских, с которыми Фридрих II в 1756 году затеял так называемую семилетнюю войну, он отзывался очень пренебрежительно: „Это орда дикарей, — говорил этот высокомерный король, — не им воевать со мной!..“

Но вот летом 1757 года русские взяли прусскую крепость Мемель, потом город Тильзит, а в сражении под Гросс-Егерсдорфом так основательно разгромили пруссаков, что, по словам очевидца, они бежали, „как скоты, без всякого порядка и строя“. Эти победы вселили такой страх среди прусского войска, что гарнизон одной из лучших крепостей — Кенигсберга сдался без боя. Пали и другие укрепленные города и крепости. Летом 1758 года русские войска занимали уже всю Восточную Пруссию.

Тогда Фридрих собрался покончить с русскими, — одним ударом в решающем сражении. Оно произошло 25 августа 1758 года возле деревни Цорндорф.

Фридрих бросил в бой свои отборные войска. Утром они обрушились на правое крыло русских. Разгорелся жестокий бой. Повсюду рвались ядра, гремели ружейные залпы. Ветер гнал густые клубы дыма в сторону русских. А они, по свидетельству одного прусского офицера, участника сражения, „стояли как герои и ожидали нас с превеликою неустрашимостью, а на двадцати шагах получили мы такой картечный и мушкетный огонь, что я еще удивляюсь, когда размышляют, каким образом можно человеку от того спастись. Ужасное дело, сколько лошадей и человек пало!..“

Вечером уже не пруссаки, а русские шли в штыковую атаку. В рукопашном бою, когда исход борьбы решает сила, выносливость и боевая закалка солдата, немцам не помогло их умение красиво маршировать. Одолеть русских они не смогли.

Пруссаки дрогнули и побежали.

На следующий день, увидев русских готовыми начать новое сражение, пруссаки поспешно отступили.

Теперь Фридрих изменил свое первоначальное мнение о русских. Он сказал: „Этих русских можно перебить до единого, но победить их нельзя“.

Война продолжалась уже три года, когда русские заняли город Франкфурт на Одере; от него открывалась прямая дорога на Берлин. А тут еще одно тяжелое поражение было нанесено пруссакам в битве при Пальциге. Даже Фридрих понял, что положение его армии становится безнадежным, и что он рискует потерять свое королевство.

Фридрих решил собрать все свои силы и еще раз попытаться разгромить русских.

Сражение произошло под Кунерсдорфом. В ночь перед боем не спали ни русские, ни пруссаки.

В два часа ночи над немецким лагерем взвилась сигнальная ракета.

Фридрих был мастер обойти противника с глубокого тыла или внезапно на него ударить. Он создал такой план наступления: атаковать сразу с трех сторон русскую армию и, отрезав ей путь к отступлению, прижать ее к реке и истребить.

Но когда противники сошлись на поле боя, Фридрих не рискнул ввести в бой все свои силы. Он обрушился только на левый фланг русских. Там стояли полки, в которых особенно много было молодых, необстрелянных солдат. Но они, как и остальные русские солдаты, дрались мужественно.

В это же время под дробный бой барабанов и истошный вой труб устремились в атаку прусские гренадеры. Грохотали орудийные залпы, трещала ружейная пальба, когда сквозь густую пелену дыма размеренным „прусским“ шагом выступили колонны пруссаков в высоких киверах, окованных спереди медью. Вот они уже полезли напролом по крутому склону холма — прямо на русские батареи. Пруссаков не остановил огонь русских пушек, они уже склонили штыки, чтобы ринуться в рукопашный бой. Схватка становилась с каждой минутой все ожесточенней, все яростней.

Это был очень опасный момент сражения. Фридрих, предвкушая победу, послал в Берлин гонца с известием: „к вечеру вся русская армия будет уничтожена“. Он уже приказал генералу Зейдлицу повести в атаку конницу. Зейдлиц попытался отговорить короля, убеждал его отказаться от этого опрометчивого решения. Огонь русских батарей был еще очень силен, а для атаки кавалерии местность со множеством холмов, оврагов и прудов была неподходящей.

Но прусский король настоял на своем. Земля задрожала от топота коней, когда, высоко подняв палаши, поскакали драгуны в треугольных шляпах и гусары в косматых меховых шапках.

В это мгновение чудовищный гул всех русских пушек заглушил и лязг оружия, и ржание коней, и грохот барабанов. Под шквальным огнем рус-

ских батарей сразу же расстроились ряды прусской конницы. Между холмами, оврагами, прудами, в узких проходах заматались прусские всадники. Кто падал, сраженный пулей, кого придавила убитая лошадь...

Тяжело раненого генерала Зейдлица выносили с поля битвы, когда русская кавалерия ринулась в атаку. Склонив пики, с громкими криками „ура“ лавой понеслись чугуевские и донские казаки. Этот могучий натиск обратил немцев в бегство, и они в беспорядке бросились к лесу. Напрасно капралы Фридриха палками понуждали солдат остановиться. Напрасно бесновался Фридрих, наблюдая издали за ходом сражения.

Командующий русской армией Салтыков вводил в бой все новые и новые части.

Пруссаки сгрудились у мостов, что вели к лесу. Напор этих обезумевших толп солдат был так силен, что перила не выдержали и надломались. Множество пруссаков упало в воду...

Тут выступила русская пехота. Один современник, наблюдая атаку русских пехотинцев, воскликнул: „С такой пехотой можно штурмовать ад!“ Это была та самая атака, в которой впервые участвовал молодой Суворов, будущий великий русский полководец.

Сражение под Кунерсдорфом закончилось позором для Фридриха: он бежал с поля боя, один, без свиты и конвоя, потеряв даже свою шляпу. Эта шляпа поныне хранится в Ленинграде. „Непобедимое“ прусское войско было совсем разбито.

„Я несчастлив, что еще жив... Все бежит, и у меня уже нет власти над людьми, сказать по правде, я считаю все проигранным“, — так говорил Фридрих, еще недавно насмехавшийся над русскими войсками.

В сентябре 1760 года русские перерезали три дороги, ведущие на Берлин, и стали у его стен.

Командующий русской армией предложил пруссакам сдать город. Но пруссаки не согласились, и тогда русские батареи открыли огонь по Берлину. При первых разрывах ядер запылал литейный двор, и была пробита крыша королевского замка.

Штурм Берлина был назначен на 9 октября. „Невозможно описать, с какой нетерпеливостью и жадностью ожидали русские войска атаки, надежда у каждого на лице обозначалась“, — вспоминал впоследствии один из русских генералов. Однако штурмовать Берлин не пришлось. В городе началась паника, генералы убежали, бросив свои войска. Пруссаки испугались и выслали двух офицеров-парламентеров с белым флагом — договариваться об условиях сдачи.

А в конце того же дня в столицу Пруссии торжественно вступали русские войска. Герои Гросс-Егерсдорфа, Цорндорфа и Кунерсдорфа шли по берлинским улицам с гордо распущенными знаменами. На главной площади их ждали берлинские градоправители, чтобы на серебряном блюде поднести победителям ключи от главных ворот столицы. Эти ключи тоже хранятся в Ленинграде.

Так переплетается старинная слава русских войск с нынешней славой победоносной Красной Армии. Снова над Берлином реет красное знамя Победы. В наши дни, когда потомки героев Цорндорфа и Кунерсдорфа приумножили славу оружия своих предков, старинные стихи Ломоносова звучат так, будто они написаны сегодня:

Ты Мемель, Франкфурт и Кюстрин,
Ты Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,
Ты звук летающего строя,
Ты Шпрее хитрая река,
Спросите своего героя:
Что может русская рука...

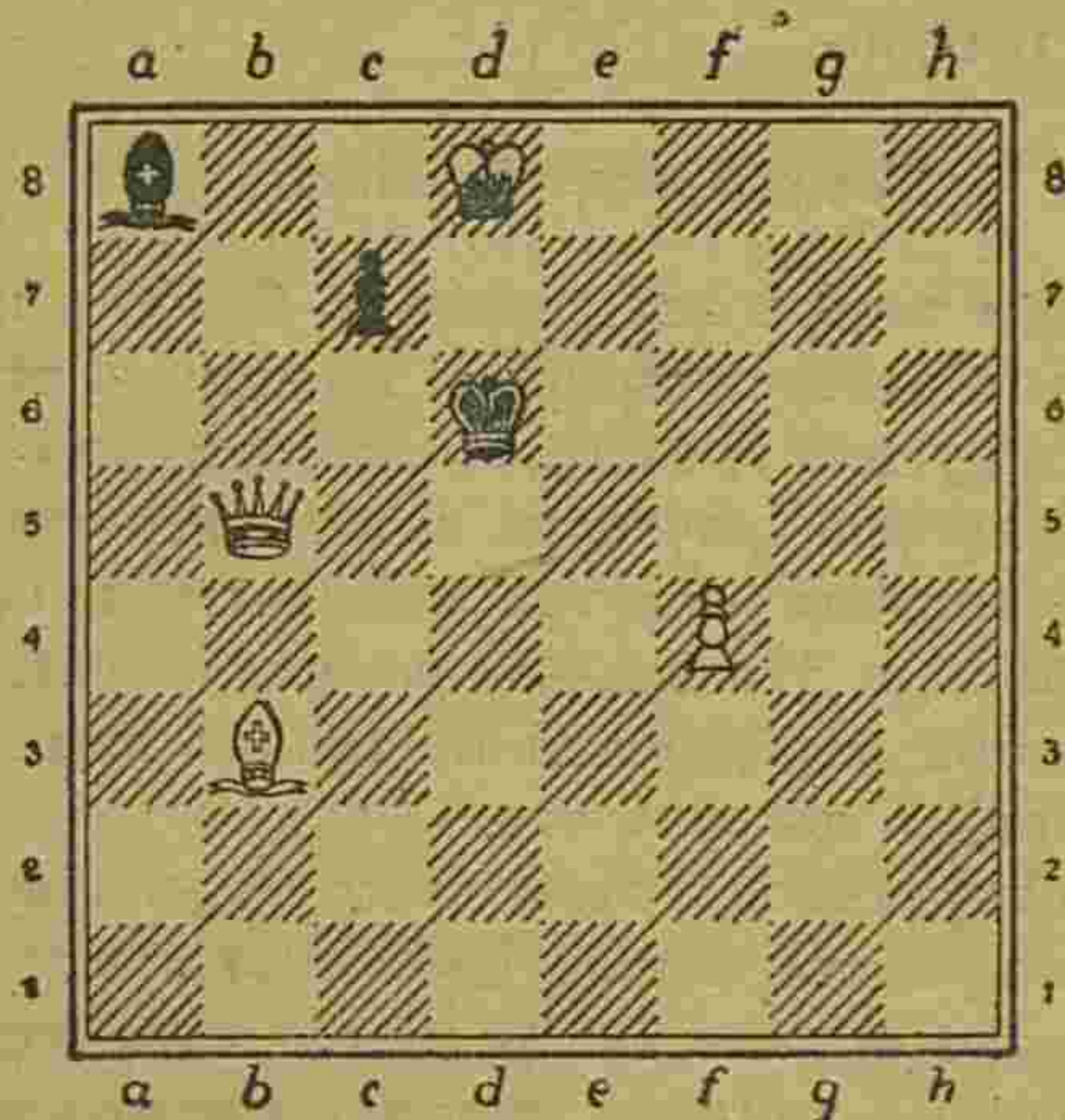

мат — тоже тремя способами, однако, на каждый ответ черных мат является единственным.

В решениях, направляемых в редакцию „Костра“, постарайтесь указать, в чем заключается идейное содержание этой очень интересной задачи.

Фамилии приславших решения будут напечатаны в следующих номерах журнала „Костер“.

ЗАДАЧА № 2

Развитию шахматных способностей помогает знакомство с шахматной композицией — задачами и этюдами, их решение, изучение их идейного содержания.

Шахматная задача — это такая позиция, в которой белые, начиная, дают мат в указанное количество ходов — один, два, три, четыре, иногда и больше. Как бы черные ни защищали своего короля от мата, белые в ответ на любые защитные ходы, в каждом случае единственным путем, добиваются своего. Но путь к победе неочевиден: он красив и труден, насыщен идеями шахматной игры. Вот, к примеру, двухходовка, — решите ее.

Белые начинают и дают мат в 2 хода,

Как правило, решение задач не начинается с шаха. Своим первым „тихим“ ходом белые создают угрозу — объявить на следующем ходу мат черному королю. Черные могут защищаться тремя способами, но в каждом случае они чем-либо ослабляют позицию своего короля и получают

Т Ю З

Л. Браусевич

Синий значок

Восьмиугольный синий значок. На значке сказочный Конек-Горбунок взвивается над белым вензелем из трех хорошо знакомых нам букв — ТЮЗ.

Когда мы встречаем на улице человека с синим значком, мы знаем: это работник замечательного театра — Театра Юных Зрителей. Значок носят и многие ваши товарищи-школьники.

Спросите их: почему же именно Конек-Горбунок оказался на синем значке, или, как мы говорим, стал эмблемой театра? Почему он неизменно нарисован на всех тюзовских афишах в левом верхнем углу?

Счастливые обладатели значка вам ответят: давно, двадцать четыре года назад, в Ленинграде, сразу после гражданской войны, собрались такие артисты, художники и педагоги, которые любили не только искусство, но и детей. И они создали первый в России детский театр.

Им было очень трудно начинать. Всё они делали сами: переделывали под зрительный зал аудиторию бывшего Тенишевского училища, готовили декорации, шили костюмы.

И вот 23 февраля 1922 года в зал пришли первые зрители первого ТЮЗ'а. Они увидели чудесный сказочный спектакль „Конек-Горбунок“. Веселая сказка Ершова ожила. И так всем понравился этот праздничный спектакль, что Конек-Горбунок навсегда остался на синем значке, как память о первых днях рождения детского театра.

Театр без занавеса

В детском театре нет занавеса. Его там нет, как не было и в театрах Древней Греции. И сам театр похож на круглый греческий амфитеатр; и его актеры, как и древне-греческие актеры играют в двух шагах от зрителя — на так называемых оркестре и просцении; и так же, как в первом театре человечества, они изображают не только людей, но и птиц, зверей и даже... огоны!

Это не случайно. В этом театре сделано все так, чтобы вам, ребята, было удобно, весело.

В зрительном зале ТЮЗ'а видно отовсюду. Если взволнованный зритель встанет с места, ему никто не крикнет: „садись скорей!“ потому что, даже стоя во весь рост, он не заслонит собой сцену.

Артисты в ТЮЗ'е играют окруженные публикой с трех сторон, вовлекая зрителей в действие. Они как бы не артисты, а друзья детворы по увлекательной театральной игре.

Работа в таком театре очень трудна, — она требует больших знаний, живой фантазии, богатого опыта, настоящего мастерства. И в ТЮЗ'е немало таких мастеров сцены.

Часто в зрительном зале ТЮЗ'а мы встречаем невысокого человека с приветливым открытым русским лицом и седой бородкой. Он мало похож на артиста или художника, какими мы привыкли их себе представлять. Не похож он и на доброго волшебника, каким тот рисуется в книгах сказок.

Но этот человек соединяет в себе и большого артиста, создавшего ряд прекрасных спектаклей и доброго волшебника, основавшего этот театр на тихой ленинградской улице. Это Народный артист Республики Александр Александрович Брянцев — создатель, директор и художественный руководитель Ленинградского Театра Юных Зрителей.

Со дня основания театра в нем работает и заслуженный деятель искусств Леонид Федорович Макарьев. Ленинградские школьники хорошо знают его не только как превосходного и вдумчивого артиста, но и как известного детского писателя, автора интересных тюзовских пьес.

Здесь, в Ленинградском ТЮЗ'е, когда-то начинали свой творческий путь и отлично исполняли роли Дон-Кихота и Санчо-Пансо — народный артист Республики Н. Черкасов и заслуженный артист Б. Чирков — знаменитый Максим; здесь в „Разбойниках“ Шиллера играл роль Карла Моора знакомый всем по фильму „Чапаев“ В. Блинов; много лет в этом театре работал лауреат Сталинской премии Л. Дэль-Любашевский.

Ленинградский ТЮЗ воспитал не одно поколение мастеров советской сцены.

Вместе со взрослыми

Но не одни только артисты и педагоги работают в этом театре.

Каждая школа и каждый детский дом ежегодно избирают делегатов в делегатское собрание Ленинградского ТЮЗ'а. У них-то вы и видели тюзовские значки.

Да, эти ребята — полезные члены тюзовского коллектива! Они дежурят во время спектаклей, помо-

гая поддерживать порядок в зале, фойе, гардеробной; они участвуют в обсуждении плана театра и в диспутах о его постановках; они собирают отзывы зрителей о спектаклях.

В каждой школе, где хорошо работает маленький делегат, есть уголок ТЮЗ'а. Там вывешивают тюзовские афиши, фотографии спектаклей, рисунки школьников о тюзовских постановках. Делегаты проводят по классам беседы о ТЮЗ'е, выпускают стенгазеты, посвященные работе ТЮЗ'а. Мало ли дела у того, кто горячо любит свой театр и всеми силами старается помочь ему!?

И театр заботится о своих помощниках. В изокружке ТЮЗ'а делегаты изучают искусство театральной декорации, историю костюма, оформляют школьные постановки. В театральном кружке учатся художественному чтению, движению, постановке спектаклей.

Многие после школы, окончив театральный или педагогический институт, снова приходят в Театр, но теперь уже как его работники.

Работа в делегатском собрании интересна, почетна и нужна. Делегатом может стать каждый. Для этого нужно только хорошо учиться и по-настоящему любить театр.

Почему мы его любим

Спросите каждого, кто учился в ленинградской школе: помнит ли он ТЮЗ, — и он удивится. Разве можно забыть семью, в которой родился и вырос? Школу, которую ты окончил? Любимую книгу, перечитанную несколько раз? Разве можно забыть свой первый в жизни театр?

На сцене ТЮЗ'а мы видели инсценировки лучших книг: „Дон-Кихота“ Сервантеса, „Хижину Дяди Тома“ Г. Бичер-Стоу, „Тома Сойера“ и „Принца и Нищего“ Марка Твена, „Тили Уленшпигеля“ Ш. де-Костера, замечательного „Конька-Горбунка“ П. Ершова.

Мы видели спектакли, которые нас взволновали и запомнились нам навсегда. Вспомните: „Так было“, „Продолжение следует“ А. Бруштейн, „Тимошкин рудник“ Л. Макарьева, „Клад“ Е. Шварца, „Похититель огня“ П. Горлова. А разве не в этом театре впервые увидели мы произведения классиков — Мольера и Шиллера, Гоголя и Островского?

ТЮЗ всегда знает, что нужнее всего ребятам. В нем изучены и учтены все их запросы. И вот за то, что он волнует наши умы, заставляет усиленно биться наши сердца, за то, что он учит нас вступать в жизнь смелыми, свободными, великодушными, сильными советскими людьми, — вот за это мы любим наш ТЮЗ.

Так скажут и те, кто кончает сейчас университет, и те, кто сегодня еще сидят за школьными партами.

О нем знают всюду

Нигде в мире нет такого театра.

Когда в Ленинград приезжают иностранцы: писатели, артисты, ученые, педагоги, — они непременно приходят в ТЮЗ. Они удивляются и тому, как чудесно в ТЮЗ'е ставят спектакли для детей, и тому, как горячо ленинградские дети любят свой театр, и тому, как в этом театре всё, начиная от гардероба и кончая пьесой, все продумано, и служит для воспитания детей.

В ТЮЗ приходит много писем с разноцветными марками почти всех стран. Письма приходят из Австралии и Чехо-Словакии, из южной Америки и Скандинавии, — в письмах спрашивают: в чем же секрет создания такого необычайного для тех стран театра. И многим из присылающих эти письма не понять, что в нашей Советской стране воспитание здорового, жизнерадостного, талантливого поколения — дело государственного значения.

ЗАГАДКА

Неизвестно где лежит
Полю синему конец.
Только по полю бежит
Стадо беленьких овец.

Не увидишь, где идет,
Где у стада пастушок?
Только светит — не поет
Золотой его рожок.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Октябрь

Что читать об этих событиях

6 октября 1770 г. Родился И. Ф. Крузенштерн — начальник первого русского кругосветного плавания.

7 октября 1845 г. Состоялось первое общее собрание членов Русского Географического общества.

8 октября 1882 г. Умер замечательный русский мореплаватель и ученый, президент Российской Академии Наук, адмирал Ф. П. Литке.

18 октября 1871 г. Известный американский журналист Стенли разыскал в Африке большого Ливингстона — замечательного английского путешественника-исследователя Центр. Африки.

20 октября 1888 г. Умер великий русский путешественник Н. М. Пржевальский.

21 октября 1520 г. Фернандо Магеллан открыл пролив, позже названный его именем.

23 октября 1937 г. Начался героический, продолжавшийся 812 дней, дрейф советского ледокольного парохода „Георгий Седов“.

Новиков, Н. Русские кругосветные мореплаватели. Военмориздат, М.-Л., 1941 (о Крузенштерне и Литке).

Гурьян, О. Колумб (повесть). Детиздат, М.-Л. 1940 (для младшего возраста).

Аусвейт, Л. Как открывали земной шар. Детиздат, М.-Л., 1939 (о Стенли и Ливингстоне).

„Глобус“ — Географич. ежегодник для детей на 1939 г. Детиздат, М.-Л., 1939 (о Пржевальском и героическом дрейфе „Седова“).

Бадигин, К. С. „Седовцы“, Детиздат М.-Л., 1941.

„Седовцы“ Детиздат, М.-Л., 1940.

Лебедев, Н. В первый раз вокруг земли. Путешествие Магеллана. 2-е изд. Учпедгиз., М.-Л., 1935.

Чуковский, Н. Водители фрегатов. Книга о великих мореплавателях. Детиздат, М.-Л., 1941 (о Крузенштерне).

Ис. Слоним

СОДЕРЖАНИЕ

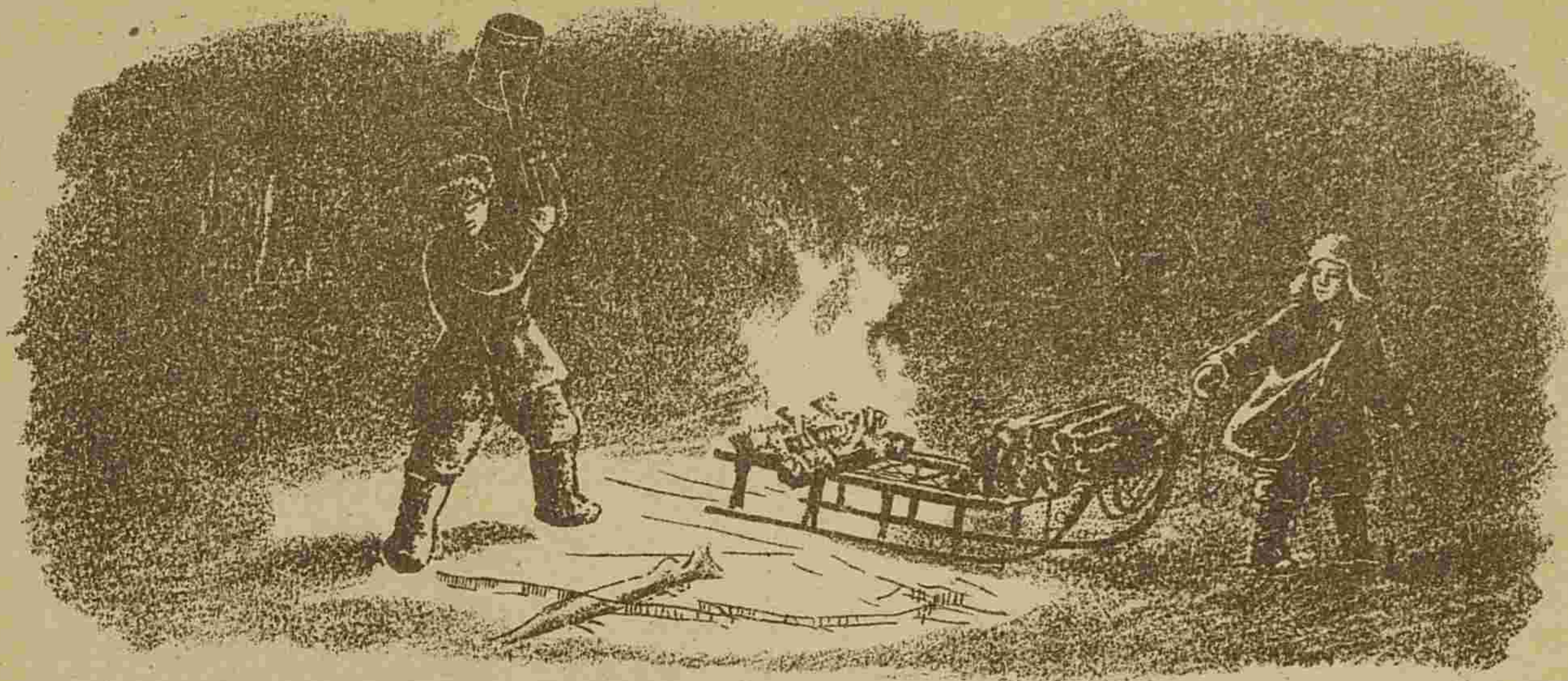
На III съезде Комсомола. <i>Воспоминания делегата съезда П. Петрова. Заметки А. Лич.</i>	2	Вокруг Канады на маленьком боте. <i>А. Антрушин</i>	24
Таинственный подарок. <i>Повесть Е. Бороминой (продолжение) Рис. В. Семенова</i>	5	Вещество жизни. <i>Л. Савельев. Рис. В. Ивановой</i>	25
Творчество наших читателей	9	Мы строим. <i>Стихи Ю. Каприлова. Рис. А. Пахомова</i>	27
Мечтатель. <i>В. Калицкая</i>	10	Как русские ходили на Берлин. <i>В. Николаев. Рис. В. Курдова</i>	28
Победа <i>Стих. Е. Долматовского</i>	11	Шахматы. <i>Ведет мастер спорта А. Гербетман</i>	29
Парк Победы. <i>Фото Трахтенберга</i>		ТЮЗ. <i>Л. Браусевич</i>	30
Дубок. <i>Стих. Г. Семенова.</i>	12	Загадка-Глебза	31
Побег. <i>В. Лебедев. Рис. Г. Фитингофа</i>	13	Географический календарь <i>Ис. Слоним</i>	32
Из прошлого нашего города		Осень <i>Рис. Н. Кострова 2-я стр. обложки.</i>	
Петропавловская крепость. <i>Н. Голицына. Рис. В. Морозова</i>	15	Рыбная ловля зимой. <i>Рис. И. Ривич 3-я стр. обложки</i>	
Каменная птица. <i>Расск. А. Эппин. Рис. В. Божаш</i>	16	Потихоньку, понемногу. <i>Стих. С. Позореловского. Рис. В. Семенова 4-я стр. обложки.</i>	
Расскажите на пионерском сборе.		На обложке рисунок <i>А. Пахомова „Юный строитель“.</i>	
Что такое честь. <i>М. Романовский. Рис. В. Дмитриева</i>	18	На вклейке рисунок <i>К. Рудакова „Придумай сказку“.</i>	
Поэт и соловей. <i>Вит. Бианки</i>	20		
Бой на калиновом мосту. <i>Русская сказка. Обработала И. Барнаулова. Рис. Н. Муратова</i>	21		

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

Редакция: О. Берггольц, В. Воеводин, С. Воинов, Е. Катерли, Ф. Октябрьская, А. Пахомов, Е. Привалова, В. Прянишников, Н. Терebinская, Д. Чевычелов, Н. Штейнварг, Л. Успенский и Г. Яблонская (отв. редактор)

Подписано к печати 10 XII 1945. 4 печ. л. (+1 вклейка). В печ. лист. 25 000 тип. зн. Заказ 2075. М—05328. Авт. л. 3,5. Тираж 15000 экз.
2-я фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ ЗИМОЙ

Пока не выпал снег, возьмите тяжелый деревянный молот — тукмач и железные салазки и в сумерки идите на озеро. На санках разведите костер из смолистых дров. Один повезет сани вдоль берега или над мелью. Рыба не боится света: щука и налим неподвижно стоят в освещенном кругу, а язи и красноперки плавают как ни в чем ни бывало. Другой рыболов должен как можно сильнее бить тукмачем по льду, над самой рыбой, и она перевертывается вверх животом. Если лед крепкий, берите с собой топор, чтобы разрубить лед.

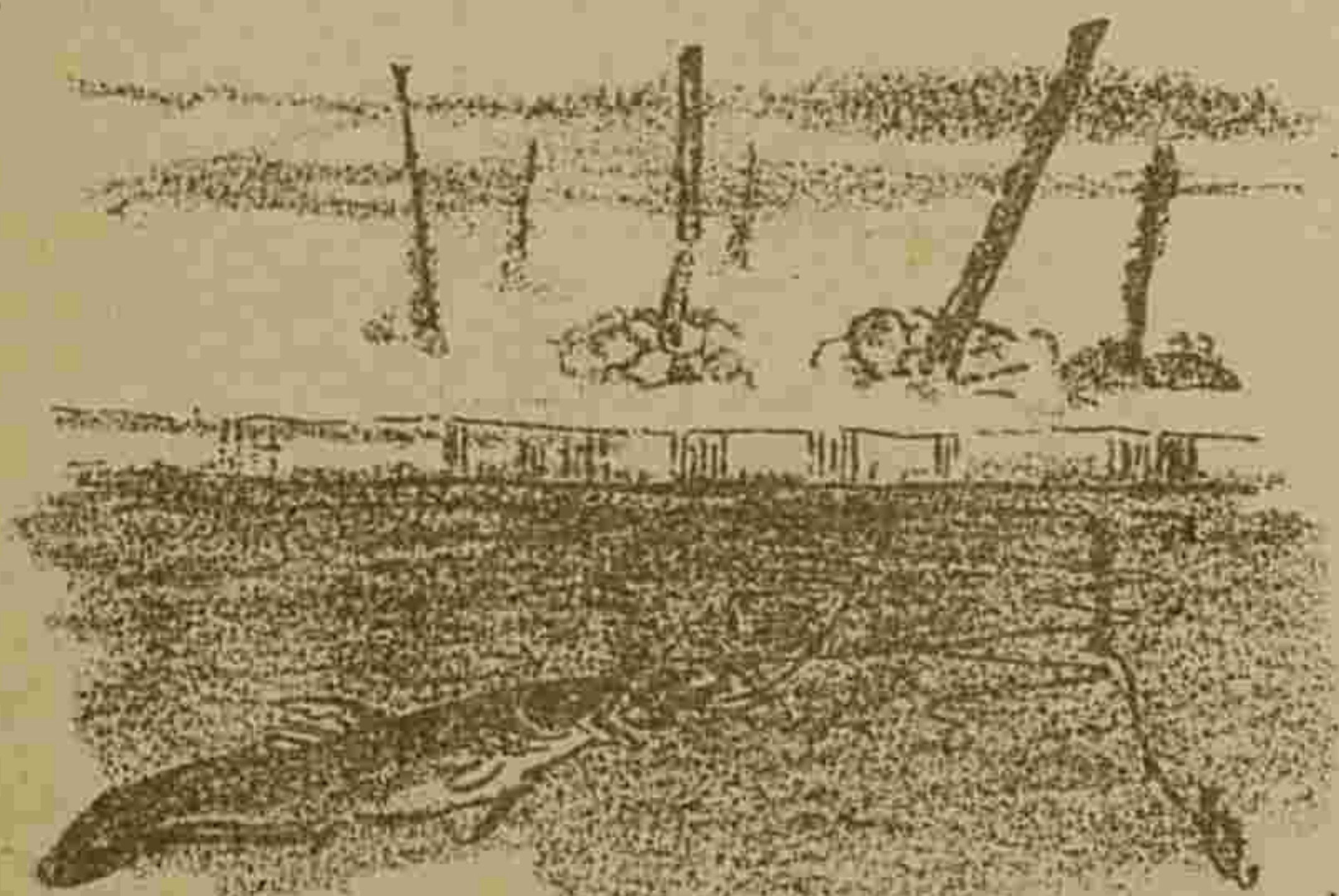
Зимой в непроточных озерах и прудах рыба задыхается подо льдом. Прорубите во льду большую прорубь, и рыба устремится на свет. Она будет жадно хватать ртом верхний слой воды, оживленной воздухом. Тут ее легко взять сачком. У места впадения ручейка или в роднике на берегу вода не замерзает даже в силь-

ные морозы. В такой полынье всегда держится рыба, и ее можно ловить сачком.

Зимой рыбу ловят на донную удочку. Щука и окунь клюют на блесну и на живца. Ерш, как и летом, будет клевать на навозного червя. Налима ловят ночью: он жадно хватается не только на блесну и живца, но и на соленую рыбку — кулеку, на кусочек селедки и даже на лоскуток белой клеенки.

Можно ловить и на жерлицы. Устройство их простое: к палке привязывают тонкую крепкую бечевку с живцом на крючке. Жерлицу опускают в прорубь на ночь.

Утром спешите осмотреть жерлицы, не попался ли толстый обжора — налим. Только не забудьте взять топор: за ночь палка вмерзла в лед, да и прорубь, придется расширить, чтобы вынуть налима.

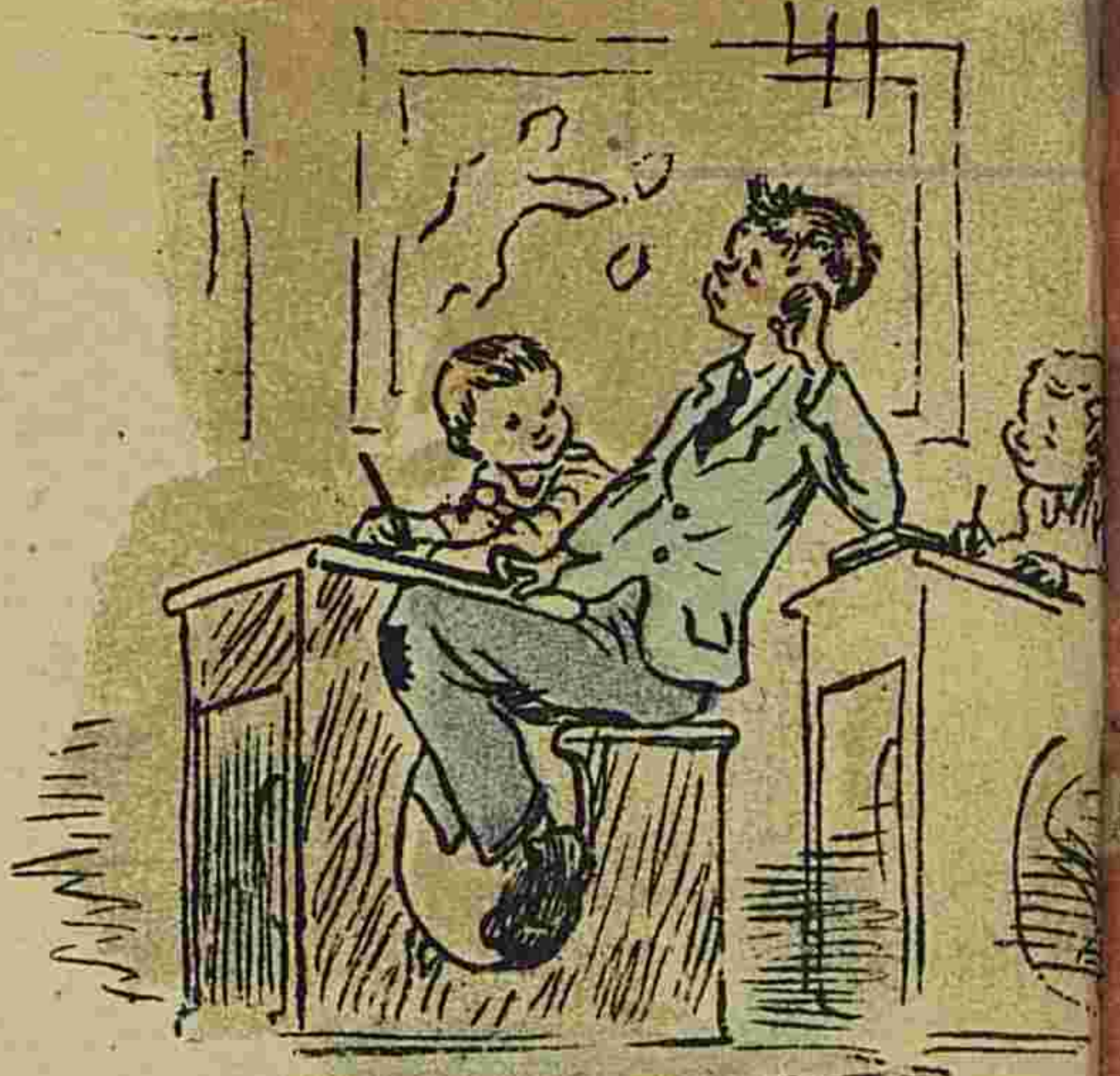
4 р.

1
КЛАСС

ПОТИХОНЬКУ, ПОНЕМНОГУ

Наш знакомый
Пашин Петя
Не спеша
Живет на свете:
В тот же самый
Первый класс
Поступает в третий раз.

Потихоньку,
Понемногу,
Во второй найдет дорогу.
А покуда
Да пока, —
Дорастет до потолка.

Одолев, глядишь,
И третий,
Станет Петя
Дядей Петей,
Перейдет в четвертый класс
И поженится как раз.

Наконец,
Поступит в пятый!
Глядь —
Уже и бородатый.
А в шестой пойдет,
Когда поседеет борода.

Утром рано-рановато
Дерг за бороду внучата:
— Эй, дедуся,
Эй, лентяй,
На урок не опоздай!

С. Погореловский

